

A woman's face is the central focus, with purple and blue eye makeup. A large, faceted green gemstone is positioned in front of her mouth. The background is a dark, misty forest with bare trees and moss-covered rocks.

Бабуна Танар

СТНАЗ

Вадима Галар

Сглаз

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11008492

Аннотация

Жила в одной послевоенной деревне девочка Поля. Однажды с ней случилось странное происшествие, которое наложило отпечаток не только на ее жизнь. Девочка выросла, уехала на другой конец страны, у нее появились свои дети, но ее странный дар изменял жизненные пути близких и встречных.

Женщины с необычными способностями появляются во все времена, они могут узнавать друг друга и часто вынуждены прятать свои возможности, отдавая себе отчет в своей незаурядности. Они используют эти качества, не задумываясь – во благо или во зло. Все их окружение, не замечая этого, оказывается в зависимости от силы особого воздействия.

Как женщины становятся ведьмами? Под воздействием внешнего влияния или благодаря наследственности? Приносят ли счастье необычные способности, каким образом это отражается на их судьбах?

Срез времени проходит перед глазами читателя. В рассказ включается все большее количество людей. Неспешное, казалось бы, повествование втягивает в водоворот событий, и невозможно

догадаться, куда приведет добрый или злой рок, как разрешится участь героев.

Вадима Галар

Сглаз

Каждому отведена своя роль в этом большом спектакле под названием «Жизнь».

Старая ведьма умирала тяжело. Никто из соседей и знакомых не пришёл проводить её в последний путь. Люди попросту боялись приблизиться к ней, боялись попасться ей на глаза. Старуха усмехнулась, вспомнив фразу, что и «воды— то подать некому». Она уже и сама устала жить, и устала приносить несчастья. Чаша зла была переполнена, и надо было ей поделиться. Перед смертью, она вспоминала свою долгую жизнь. Как, однажды, будучи ещё 12 летней девочкой, она, собирая грибы, заблудилась в лесу. Ободранная, голодная и уставшая, она кружила по лесу уже несколько часов. Уже стемнело, и слабый свет, пробивавшийся между деревьями, показался ей нереальным, но она, как мотылёк побрела на этот огонёк. Спотыкаясь и падая, с трудом передвигаясь, она шла на этот, как ей казалось, источник жизни. Запнувшись об очередную корягу, она упала, и на подъём у неё уже не было сил. Но тут, ледяные руки перевернули её, и, подчиняясь чьей— то неведомой силе, она открыла глаза. Над ней склонилась старуха, что— то бормоча, при этом, не отводя наводящего ужас взгляда от её расширенных от страха глаз. Казалось, что это всё происходит не с ней. Вдруг гла-

за, держащей её за плечи мучительницы, вспыхнули, старуха громко вскрикнула, поднявшись, и протянув руки вверх к небу. Последнее что запомнила она, то это как молния ударила в старуху, превратив её в факел. Очнулась уже, когда уже было светло, и, дорогу домой, в этот раз не составило найти труда. Мать, завидев её издалека, бросилась навстречу, при этом радостно голося и причитая. Оказалось, что она отсутствовала 3 дня, и никто уже не верил, что увидит её в живых. Зверья в лесу было предостаточно, и пропажа человека в их краях, была делом нередким. После еды потянуло в сон, в который она окунулась, как в забытьё. Несколько раз, приходя в себя, она слышала, как мать причитает над ней, меняя на лбу мокрые тряпки, как пришла местная знахарка, и, осмотрев её, бросила всего лишь одну фразу: «Меченная она». Очнулась она на четвёртый день. С тех пор с ней и стали происходить разные странности. Всё началось с того, что передохла вся живность у них во дворе. Если она приходила к кому– то в гости, то там непременно после её визита кто–нибудь заболел. При всём при этом, зла она никому не желала, но понимала, что во всём виновата та странная старуха. Но про то, что с ней случилось, она никому никогда не рассказывала. Из– за её нового дара, им с матерью пришлось переехать в другое место. Так и мотались они, долго не задерживаясь нигде. Мать рассказывала новым соседям, что они переезжают, спасаясь от голода и болезней, благо, что в те времена недостатка и того и другого не было. Замуж

она так и не вышла, по причине, что попытки желающих закончились неудачно для них. Ей ещё не было и 30 лет, когда мать, не выдержав такой жизни, умерла. Видать, проклятья людей, сыпавшиеся им вслед, сделали своё дело. В последнее своё пристанище, она перебралась лет 15 назад, заняв полуразрушенную лачугу на краю деревне. К тому времени она уже научилась скрывать свою силу и старалась, как можно меньше общаться с людьми. Но шила, как говорится, не утаишь. Люди её боялись, и не только к ней в гости не заходили, но и в близлежащий лес, там, где стояла её лачуга. Даже знахарка, собирая свои травы, не приближалась к ней, чувствуя в ней зло и опасность. Да, на её совести было много забранных ничем не повинных душ, которых она и губить то не хотела, но судьба распорядилась иначе... Она услышала звуки, идущие снаружи, и поняла, что новая заблудшая девочка, как она тогда много лет назад, пришла, чтобы взять её страшный дар. Собрав всю свою волю, она мысленно заставила девочку войти в лачугу и приблизиться к ней. Девочка была маленькая лет 7–8, голубоглазая, с жидкими косичками. И опять, как много лет тому назад, началась передача зла из глаз в глаза. Но в последний момент, ведьма пожалела девочку, видно вспомнила себя ту беззащитную, и не отдала всё зло, подумав про себя, что всё равно так и так гореть ей в аду. Она закрыла глаза и ослабила влияние на девочку, дав ей тем самым возможность убежать до того, как молния ударила в лачугу. Старое строение вспыхнуло, как спичка,

выдав облако чёрного дыма, клубком поднявшееся в небо.

Поля, так звали ту несчастную девочку, которую пожалела ведьма, добрела до дома и упала у крыльца. Там и обнаружила её мать. Деревенская целительница и повитуха, осмотрев метавшуюся в жару девочку, вынесла свой вердикт:

– Сглазили её сильно. Но, не убивайся ты так, – добавила она, глядя на мать, – через три дня поправится.

И впрямь, на четвёртый день, жар спал, и Поля, держась за стену, выползла на улицу погреться на солнышке. Она была ещё слаба, и ничего толком не помнила, что с ней случилось. В памяти отпечаталось только то, что мать послала её искать сестру, а потом что– то случилось страшное, о чём не хотелось и вспоминать.

Поля была вторым и, притом, любимым ребёнком в семье. Старшая сестра Вера, не хотела ни учиться, ни помогать матери по хозяйству, и, при этом постоянно лупила Полю, завидуя ей, что ту постоянно хвалят и приводят в пример. Веру не любили также дедушка с бабушкой, потому что она была груба, не ласкова и ленива. Старшая сестра отбирала еду у Поли, которой и так не было в достатке. Шёл третий год войны. Деревенька, где жили Вера и Поля с матерью, находилась в тылу, отца забрали на войну сразу. Дедушку же не призвали из– за его возраста и хромоты. В то время

тяжело было всем и на фронте и в тылу. Поля запомнила, как их маленький братик Серёжа, родившийся перед самой войной, распух и умер от голода, не дожив и до года. Как почернела и исхудала мать, пытаясь спасти от голода оставшихся детей, вкалывая за троих мужиков. Как она вместе с другими детьми собирала лебеду, грибы и ягоды, выковыривала оставшуюся на колхозных полях замороженную картошку из земли. Дети в то время выросли очень рано, работая наравне с взрослыми. Но даже и этого не хватало. Матери пришлось отдать Веру на торфяные болота, т. к. нужно было послать кого-то от семьи. Работа там была тяжёлая, но пайка настоящего хлеба без лебеды и коры помогла Вере быстро согласиться. Да, тем более что «всеобщей любимице Поле», такого вкусного хлеба не достанется. Мать знала, как уговорить не блещущую умом Веру. Когда кончилась война, то плакали все. Это были слёзы радости и счастья, утраты и выживания. Отец вернулся с войны, но не домой, а к своей матери. Оказалось, что у него теперь другая семья, и с той новой тётёй он познакомился, когда был ранен в госпитале. Мать, ждавшая его все эти годы, увидеться с ним не захотела, да и он стыдился посмотреть ей в глаза, после всего случившегося. Поля встретила отца впервые на улице, когда бегала за водой к колодцу. Седой мужчина в солдатской форме окликнул её и протянул ей левую руку на ладони, которой лежало несколько кусочков сахара.

– На, бери, бери, это тебе, – затараторил он, но видя, что

девочка растерялась и забыла за годы войны, как выглядит сахар, тут же добавил. – Это сахар, это вкусно... А тебя зовут Полей, ты знаешь, ведь я твой папа.

Поля, протянула, было, руку к сахару, но при последнем слове, отдёрнула её назад.

– Мой папа погиб на фронте, – сказала она печально, и повернувшись, ушла.

О гибели отца, ей и Вере поведала мать, а не доверять матери у девочек причин не было. Затем к ним домой приходила тётя – сестра отца. Она долго уговаривала зачем– то мать. Только и расслышала Поля из всего их шептания, что мать просила уехать кого– то насовсем, потому что он виноват. Визит этой доброй тётки, Поля запомнила на всю жизнь, потому что она принесла им с Верой булочку, настоящую белую булочку, с изюмом. Поля, вначале выбрасывала изюм из булочки, при неопытности приняв его за тараканов, попавших в тесто, но тётя объяснила, что это вкусно, и для достоверности сама съела одну из изюминок. Такой вкусной булочки Поля не ела никогда в своей жизни, даже потом, когда жила в достатке и могла себе позволить покупать такие булочки каждый день, она на всю жизнь запомнила волшебный вкус той первой настоящей булочки. Уже потом, через много лет, Поля узнала, что её отец, уехал тогда, по просьбе её матери, на родину его новой жены в далёкую Сибирь.

Странности в поведении Поли появились на тринадцатый год её жизни. Животные её не любили, и нелюбовь, эта надо заметить, была обоюдной. Нет, животные не болели и не сдыхали, но на контакт с Полей не шли. Даже куры, когда она кормила их по просьбе бабушки, не сбегались к ней, а словно не замечали её. Так и держали они нейтралитет, который устраивал всех. Бабушка, обнаружив странные изменения в любимой внучке, сказала об этом матери. Мать промолчала, ведь она и сама всё давно уже замечала. Да ещё она помнила, что сказала ей целительница, когда Поля горела в жару три дня, и что всё случилось тогда, когда сгорел дом старой колдуньи, жившей на окраине деревни. Один раз мать также была свидетельницей стычки Поли и въедливой соседки, решившей влезть первой у колодца, и своим визгливым голосом отчитывавшей девочку громко на всю улицу.

– Ты, Польшка, молодая и глупая, делать тебе всё равно нечего, можешь и подождать. Хорошо, конечно, что ты не такая тупая, как твоя сестра. Но что с вас – то взять! Одним словом безотцовщина. Да и мать – то ваша в этом виновата...

Но продолжить фразу она не успела, т. к. Поля её прервала.

– Ты, тётка Дарья, думай, о чём говоришь. И торопиться тебе некуда, ведро твоё всё равно оборвётся. – При этом, По-

ля по – недоброму сверкнула глазами.

Ведро тотчас сорвалось, и с грохотом упало в колодец. Тётка Дарья тотчас запричитала, но встретившись с взглядом Поли, тут же замолчала, как будто проглотила гвоздь и рванула домой с такой скоростью, что деревенские мальчишки – любители салок, могли бы позавидовать.

Мать, от греха подальше, отправила Веру с родственницей на заработки в город, потому что боялась, что Поле надоест терпеть Верины постоянные тычки и различные выходы. Вера устроилась на стройку, профессия в тот момент, да и собственно говоря, всегда, очень нужная. Отдавая предпочтение Поле, мать выбрала её для своей старости, как и многие другие родители, делая это подсознательно, предпочитают одного из своих детей. Обычно это младшие дети, нуждающиеся наиболее в родительской опеке, чаще всего девочки. Поля попадала под все эти категории. Она была для матери, как отрада, как бальзам для её израненной души. Замуж мать больше не собиралась, стала настоящей мужененавистницей после подлой измены супруга, она постарела и никогда не улыбалась. Надеяться ей было не на кого, только Поля была для неё смыслом жизни. Нет, она тоже любила Веру, но та своей грубостью и глупостью отталкивала всех.

– Помни, Верочка, в народе говорят, что «ласковый телёнок двух маток сосёт». – Говорила она не раз старшей дочери, но смысл этих слов до Веры так и не дошёл, и, мать, к сожалению, понимала бесполезность разговоров на эту тему.

Поля училась в школе очень хорошо, была девочкой сообразительной и прилежной, поэтому конфликтов там не возникало. Все их дети, почувствующие на себе все тяготы военного времени, уважали учителей, мало смеялись и были по-взрослому ответственны. И не случайно, ведь они получили страшный урок от жизни, и смогли выжить. Не было семьи в этой деревеньке, как и во многих других в многострадальной их стране, которая бы, не потеряла в войну своих родных и близких. Материны братья тоже оказались в мясорубке этого жестокого монстра под названием война. Старший погиб под Сталинградом, а младший умер в госпитале от гангрены, так и не придя в себя после операции в последний год войны. Поэтому, мать была единственным ребёнком её осиротевших безутешных родителей, их опорой и надеждой в старости. Бабушка, всегда приветливая и заботливая, после того, как обнаружила странности в любимой внучке, стала к ней относиться по-другому, как чужая. Однажды Поля услышала, как она выговаривает матери.

– Доведёт она тебя до могилы, разве ты не видишь, что странная она, меченная ведьмой, а может и сама ведьма...

– Мама, Поля моя кровиночка, моя дочь, моё счастье и радость, она мне дороже всех, и я её буду защищать до последнего. – Не дала ей договорить мать.

Но бабушка всё равно продолжала:

– Фрося, пойми, я не хочу потерять тебя – своего последнего ребёнка. От Поли никакого толку, только вред. Она и по хозяйству тебе не сможет помочь. Боюсь я за тебя.

– Мама, давай больше на эту тему говорить не будем. Если ты не принимаешь Полю, это значит, что ты не принимаешь и меня. – Обычно молчаливую мать, как будто прорвало. – Я люблю, Полю, она помогла мне выжить в войну, да и после войны, мне есть, для кого жить. Ну что делать, если такое случилось, она моя дочь, и я ей нужна. Знай, мама, я её в обиду не дам никому.

Тут в дом вошёл дедушка, и женщины прекратили свой нелёгкий разговор. А Поля незаметно выскользнула, но мать всё-таки заметила её. После этого разговора, бабушка стала болеть, то ли от расстройства, то ли от возраста, а может и по другой причине. Поля её навещать не стремилась, да и бабушка, особо видеться с ней не хотела. На помощь пришла мать, сказав Поле, что к бабушке лучше не подходить, а то вдруг у неё болезнь заразная. Эта версия была озвучена и дедушке, чтобы он не заметил странное поведение любимых родственников.

Поля, тем временем, закончила почти на все пятёрки седьмой класс, который был последним классом в их деревенской школе. Всю картину портила тройка по географии, которую незаслуженно поставила Надежда Павловна, недолюбливающая Полю по разным причинам. Надежду Павлов-

ну раздражало в девочке всё: и её поношенное единственное платье, сшитое из мешка, и сообразительность не по годам, и быстрые правильные ответы на заданные вопросы, а ещё больше многочисленные вопросы, на которые учительница не всегда знала, что ответить. Другие учителя, видя тягу девочки к знаниям, смысленность и сообразительность советовали матери продолжить Поле учёбу. Мать же боялась отпускать Полю за знаниями за 30 км в районный центр, где находился единственный техникум, в который девочка хотела пойти учиться на бухгалтера по совету любимой учительницы по математике. Но на решение матери, положительно для Поли, повлияла странная болезнь учительницы по географии, когда желчная и завистливая Надежда Павловна неожиданно онемела после недружелюбной беседы с Полей. В тот день, девочка тащила домой тяжёлые ведра с водой из колодца и встретила учительницу возле её дома. Надежда Павловна, конечно, не упустила шанс ужалить.

– Ну что, Поля, куда пойдёшь работать на ферму или в бригаду овощеводов, – ехидно спросила учительница географии.

– Да нет, пойду учиться на учителя географии, а то в нашей школе нет хорошего преподавателя по этому предмету. – Не осталась в долгу осмелевшая девочка.

– Ах ты, дрянь такая, – взвизгнула «культурная» Надежда Павловна. – Чтобы язык у тебя отсох от таких речей!

– Чтоб у Вас язык отсох, – тихо, но твёрдо сказала Поля, –

И желательно побыстрей.

С тех пор Надежда Павловна говорить не могла. Она только мычала, хотела что-то рассказать важное, даже пыталась написать, но ничего из этого не вышло.

– Нашу-то Надежду Палну «кондрашка» стукнула. Хотя с другой-то стороны, спокойней будет без неё, без злыдни, – говорила старенькая школьная уборщица баба Дарья соседкам. Этой хромой и доброй женщине, работающей уборщицей с самого открытия деревенской школы, не раз доставалось от вредной Надежды Павловны, поэтому новость о неожиданной болезни «географички», её не сильно расстроила.

После этого случая, мать приняла решение, что Поле по многим причинам, лучше будет учиться в районном центре. Благо, что за учёбу платить не надо было. В те тяжёлые послевоенные годы, стране нужны были рабочие руки, но, и как никогда, не хватало и грамотных специалистов. Учиться возможность имели не все, т. к. в осиротевших послевоенных семьях, излишка в кормильцах не было. И дети были вынуждены поднимать страну наравне с взрослыми, занимая пустые рабочие места, ушедших раньше времени из жизни людей. Работали и за себя и за того парня. Откуда только силы брались!? Наверное, от слова «надо», от желания жить, от радости, что кончилась эта проклятая война, а им удалось уцелеть, от долга перед погибшими и умершими в годы кровавой мясорубки, от твёрдости духа, и многого другого...

До райцентра Поля с матерью добирались на попутном транспорте, который состоял из телеги и труженицы кобылы, управляемой одноногим конюхом Семёном. Им повезло, потому что Семёна послали в город привезти чего-то для нужд колхоза. Телега, соответственно, была пустая, лошадь не напрягалась, и идти пешком рядом с ней пришлось совсем немного, а в основном больше ехать. Поэтому добрались они не уставшие, ещё до полудня. Всё прошло как-то быстро, без волокиты. Поля получила кровать в полутёмной комнате на 30 мест, переоборудованной из старого склада. Вот так и начался у неё следующий этап жизни на новом месте.

Учиться Поля любила, делала она это с желанием и охотой, благо природа её не обделила умом. Смышленая девочка, с голубыми глазами, быстро запомнилась преподавателям. И их не смущало то, что платье у неё пошито из мешка, ведь главное, что было стремление к знаниям. Поле вместе с такими девчонками и мальчишками, как она, надеяться было не на кого. Единственное богатство, которым они обладали, это было трудолюбие, необходимое в изучении не совсем лёгких предметов. Да, конечно, если бы в животе не урчало от голода, а голова и тело не чесались от вшей, и свет от свечки был бы поярче, то возможно, учиться было бы легче. Но это всё были мелочи по сравнению с тем, что им при-

шлось пережить. Вши в то время размножались со страшной силой, помогало им в этом деле и скопленность проживания, и нехватка моющих средств. Казалось, что от них никак невозможно избавиться, даже стрижки «налысо» от них не спасали, а от керосина с трудом выменянного матерью, краснела, чесалась и шелушилась кожа головы. Когда же Поля возвращалась на выходные домой, то мать выглаживала её единственное платье утюгом, наполненным горячими углями. При этом был слышен треск лопающихся от жара и тяжести утюга вшей. В те времена была обыденна картина, когда сидя на уроке, можно было видеть, как по впереди сидящему однокласснику, ползают эти неистребляемые насекомые. С этими разносчиками заразы и болезней боролись все, но казалось, что их ничего не берёт.

В конце недели, Поля приходила домой, чтобы запастись продуктами не неделю. Скучный рацион на то время в основном состоял из хлеба, испечённого матерью. Идти домой в один конец приходилось часто пешком, благо, что места их были относительно спокойными. Собирались кучкой девочки и шли домой, отпочковываясь по дороге, каждая у своей деревни. Ноги порой стирались до крови, потому что обуви – то нормальной не было. А зимой и того хуже, порой в конце пути, в сильные морозы ноги превращались в негниблемые бесчувственные ходули. Но воля и желание учиться помогали преодолеть все эти трудности. Ведь и другим было нелегко. Мать вкалывала с утра до ночи, рабочих рук, как и

мужиков, не хватало. А те единичные мужики, что работали в колхозе, были или инвалиды, или старики. Бабушка к тому времени уже умерла, дедушка же после её смерти сильно сдал, стал совсем, как дитя. Так, матери приходилось присматривать ещё и за ним. К дочери перебираться он наотрез отказался. Вот и неслась мать после тяжёлого трудового дня к нему, чтобы покормить его, работать дедушка сам уже не мог, передвигался и то с трудом. Переезду его к матери помогла обвалившаяся, после сильного дождя, крыша старенького родительского дома, хорошо, что ещё не придавила его. Вот так несчастье и помогло уговорить упрямого дедушку. Но недолго он пережил бабушку, каких-то всего на всего пару месяцев.

Три года обучения в техникуме пролетели быстро. Преподаватели были добрые, и зря никого не обижали. Да и ученики были на редкость упорные и ответственные, закалённые в тяжёлые военные годы. Но, как говорится, «в семье не без урода». Выделялись среди них несколько девушек, одетых в настоящие платья и туфли, и обладающие, по тем временам неслыханным богатством – чулками. Этих, откормленных, относящихся к другим учащимся, не из их «песочницы» с нисхождением девушек, на занятия привозили на машинах. И они, не стесняясь, хвастались, что вечерами хо-

дят на танцы, о своих «нужных» знакомствах и прочих «важных» делах. Держались они обособленно, свысока поглядывая на других, не принадлежавших к их касте. И было непонятно, зачем они занимали чьё-то место, ведь учиться они не хотели. Возможно, что влиятельные родители этих «баловней судьбы» считали, что их детям необходимо иметь образование, а может быть была какая-то другая причина. Одна из таких девиц, получив отказ в списывании домашнего задания, имела неосторожность за это обидеть незаслуженно Полю, обозвав её «вшивой голодранкой». Ей повезло в тот раз, потому что за Полю заступился откуда-то появившийся преподаватель. Этот интеллигентный человек, знавший Полю, как способную ученицу и хорошую подругу, помогающую другим, обратился к нагло ведущей молодой особе.

– Как не стыдно, ведь не каждому дано родиться в обеспеченной семье. Главное оставаться человеком при любых условиях. И, Вам, моя дорогая, – обратился он к обидчице, – не мешало бы у Поли кое-чему поучиться.

– Спасибо, Павел Николаевич, – поблагодарила Поля.

Но её обидчица, не прислушалась к словам мудрого педагога, и напала на Полю опять спустя какое-то время, подкараулив её в безлюдном коридоре техникума.

– Ну что, нищенка, повезло тебе в прошлый раз – «заступничка» нашла. – С ненавистью прошипела она. – Будешь ещё рыпаться, скажу кое-кому, так тебя отделают, что всю свою оставшуюся жизнь проведёшь в больнице.

– Смотри, как бы тебе всю твою оставшуюся жизнь в больнице не провести, – тихо, выговаривая каждое слово, произнесла Поля, сверкнув при этом глазами и развернувшись, убежала.

Больше эту однокурсницу никто не видел, говорили, что заболела и попала в больницу, и вроде бы надолго...

После успешного окончания техникума и получения желанного диплома бухгалтера, Полю распределили на Дальний Восток.

– Мама, меня распределили на Дальний Восток, – с восторгом рассказывала Поля, вернувшись домой, после распределения. – А, там края побогаче наших будут, земли много. Сейчас многие туда едут. Я буду работать в колхозе бухгалтером, так что собирайся, мама, поехали вместе, – продолжала она.

Матери было приятно, что Поля не забыла о ней и позвала с собой, т. к. предстоящая разлука с дочерью огорчала её. И перспектива, переезда в лучшее место, чем их нищая деревенька, одновременно обрадовала и заставила задуматься.

– Нет, доченька, ты поезжай пока без меня, а я тут улажу все пока дела. Если там будет хорошо, то продам домик и приеду к тебе. А то вдруг не получится у тебя на новом месте или не понравится, так будет куда вернуться. – Мать

говорила медленно, чтобы скрыть волнение от предстоящей разлуки с любимой дочерью.

Перед отъездом, Поля заехала к Вере, живущей несколько уже лет в городе, попрощаться перед дорогой. Сёстры не ладили особо в детстве, и так не поддерживали никаких отношений, но мать попросила Полю навестить старшую сестру перед отъездом. Вера имела жилплощадь в общежитии, работала штукатуром на стройке, и ко всему прочему, была жадна до неприличия. Горластая и грубая, она не притягивала к себе никого. Подруг у неё не было, т. к. дружить она не умела. А редкие на то время представители сильной половины человечества, обходили её стороной. Потому что, хозяйка, старшая сестра была никудышная, умом и красотой тоже не блистала, доброта ей была не присуща, а силищи в ней было, как в хорошем мужике. Пережитые годы войны, сказались на Вере не лучшим образом. Она экономила на всём, несмотря на то, что получала достаточно хорошо. Помимо основной работы, Вера хваталась за сверхурочные, калыми-ла вечерами, а также и в выходные у частных. Семье же она никогда не помогала.

– В кого уж ты такая жадная, Вера. – Не раз говорила ей мать. – Всех денег всё равно не заработаешь.

– Нечего меня учить, я уже взрослая. Как хочу, так и живу. Вот так.

– Это были любимые Верины слова, и других, по мнению Поли, она и не знала.

Вера попрощалась с Полей без огорчения, по– быстрому, даже чая не предложив для приличия, и, сославшись на то, что у неё ещё много дел, выпроводила младшую сестру из своей комнаты. Т. е. показала себя, как обычно, «во всей красе».

– Вот и попрощались. – Тихо сказала Поля. – Наверное, боялась, что я у неё денег попрошу на дорогу.

– Не сердись ты на неё, – пыталась сгладить «напутствие» старшей дочери мать. – Ну что делать, если Бог ей ума не дал, только и остаётся её пожалеть.

– Нет, мама, я на Верин чай и не рассчитывала, – усмехнулась Поля. – Просто вроде, как и не родная сестра, чужие люди порой ближе родных. – Но, заметив грусть в глазах матери, тут, же добавила. – Но у меня есть ты, мама, а у тебя есть я.

Для Поли это были не просто слова, ведь она запомнила на всю жизнь подслушанный разговор, и была благодарна матери, что та не отказалась от неё.

Мать проводила любимую дочь на поезд, не выдержала и всплакнула перед расставанием. А ведь казалось, что сердце после всего пережитого окаменело, и плакать она уже не умеет. Поля успокаивала мать, хотя, и у самой глаза были на мокром месте. Если честно, то она никогда до этого не видела плачущую мать, казалось, что ничто не может выдавить с неё слезу.

– Мама, ты чего, не надо не плачь. – Говорила она взвол-

новано. – Всё будет хорошо, ты приедешь ко мне, и мы с тобой не будем больше расставаться. Не плачь, а то я тоже разревусь.

– Ладно, доченька, ты береги себя, не забывай, пиши, – мать проглотила предательские слёзы и добавила, – Помни, что у тебя есть я, если, не дай Бог, что случится, я всегда приду к тебе на помощь и буду с тобой рядом.

Такие слова, произнесённые обычно немногословной матерью, приравнивались почти к монологу. Мать оставалась одна, несмотря на наличие Веры. Неизбалованная жизнью, работавшая, не покладая рук, не жалующаяся на всех и вся, эта несломленная женщина казалось, имела внутри себя стальной стержень, который и помогал ей вынести все упавшие на неё невзгоды. Она, как и многие из матерей, хотела для своих детей более лёгкой доли, чем выпала ей. Но одного желания было мало.

«Тук– тук, тук– тук» стучали колёса поезда, везя Полю на такой далёкий Дальний Восток. Грусть от разлуки с матерью, гордость за полученное образование, радость от поездки, счастье от получения нового места работы, настороженность от неизвестного нового места жительства – всё это смешалось у Поли в голове, вызывая различные чувства. Глядя в окно и размышляя обо всём, она нервно теребила новое

платье, сшитое совместно с матерью из куска ткани, выменянной на базаре на курицу. В этом платье, из бумазеи, Поля ощущала себя королевой. Природная стеснительность не давала ей выплеснуть все свои эмоции, поэтому, она сидела тихонько в уголке и смотрела на пробегавшую местность через заляпанное окно вагона. Несмотря на то, что путешествие было долгим, оно в то же время было интересным, познавательным и первым в Полиной жизни. Одно дело изучать мир по учебнику географии, и совсем другое увидеть это всё своими глазами. Но всякое путешествие когда-то заканчивается. Вот поезд и остановился на нужной Поле станции. Попрощавшись со ставшими почти родными попутчиками, и получив от них добрые пожелания и напутствия, Поля спустилась на перрон.

На Дальний Восток тянулись люди всех национальностей. Некоторые поневоле, другие скрывались от преследований, кого-то война выгнала с насиженных мест, а кто-то приехал за счастьем. О богатстве тех мест ходили различные слухи и байки, а кому же не хочется хоть немного помечтать об изобилии и сытой жизни.

Полю уже ждали на новом рабочем месте. Семён Львович, являющийся по совместительству её будущим начальником и коллегой, с недоверием окинул взглядом небольшую симпатичную девушку. Задав ей несколько вопросов по бухгалтерской работе, и, получив на них бойкий правильный ответ, он понял, что она ещё и умна. Пожилому бухгалтеру понра-

вилась смышленная девчонка, при том ещё и неизбалованная, потому что та начала свой первый рабочий день с уборки их совместной комнаты.

– Вот это ты, девонька, молодец, угодила старику. Даже дышать легче стало, – обрадовано заговорил добродушный хозяин. – А то давно тут никто не убирался. Я сам– то и если бы захотел, то не смог бы, всё война проклятая, – махнул он на запрошенный пустой рукав своей рубахи.

– Да мне не тяжело, я привыкшая, Семён Львович. – Улыбнулась ему в ответ Поля.

– Я тебя сейчас на житьё определю в хорошую семью, там люди добрые и хорошие, тебя не обидят. Сегодня устраивайся, отдыхай после дороги, а завтра – милости просим, утром буду ждать тебя здесь.

Семья, в которую привёл её Семён Львович, и вправду оказалась хорошей. Полю встретили, как родную, отвели ей комнату, напоили и накормили, а ещё истопили баню – помыться с дороги. У неё от такого гостеприимства даже слёзы навернулись на глаза. Кругленькая хозяйка дома, тётя Мира, заботливо постелила ей постель. Её муж, тихий и спокойный дядя Наум растопил баню, дав задание младшим детям школьникам Рае и Ленке наносить воды. Позже, когда Поля уже помылась и перестирала свои нехитрые пожитки, с

работы вернулся старший сын Михаил. Ближе к вечеру, Рая постучалась в дверь новой постоялицы и позвала её отужинать с ними. Поля пыталась сказать, что она не голодна. Но девочка сказала, что лучше согласиться, т. к. мама отказа не примет. Когда через несколько минут, приведя себя в порядок, чистая, с блестящими голубыми глазами и пушистыми, чуть выющимися тёмными волосами Поля вышла к столу, то тётя Мира не удержалась и громко воскликнула:

– А, ты, девонька, красавица, – и, видя, как смутилась и покраснела Поля, добавила, – и румянец тебе тоже к лицу. Ну, садись, садись, не сердись на меня, я от всего сердца. Кушай, Поля, не стесняйся. У нас по– простому, без всяких церемоний, что нравится, то и выбирай.

У Поли, не избалованной яствами, и, отвыкшей от нормального питания за время своего долгого путешествия, от такого количества еды разбежались глаза. Но больше всего, ей по вкусу пришёлся ароматный куриный суп, которого она давно не ела. Так за ужином, знакомясь поближе с семьёй, Поля поняла, что ей действительно повезло с людьми, взявшими её, как постоялицу к себе. Она рассказывала и о себе, отвечая на тактичные вопросы хозяев. Им было приятно, когда после завершения трапезы, Поля помогла убрать со стола и предложила помыть посуду. Уже вечером, когда весь дом устроился на ночлег, Мира и Наум, обсуждая прожитый день, и что надо сделать завтра, также сказали несколько тёплых слов о девушке.

– Девонька, хорошая, не избалованная, видно сильно ей от жизни досталось, – сказал Наум. – Худенькая такая, глаза добрые, голубые.

– Ничего, откормим и отогреем её. Главное, что она внутри настоящая, не пустышка, как многие городские. – Вторила ему Мира. – А, ты видел, как на неё Михаил наш глядел? Точно влюбится парень. Ну ладно, давай спать, а то рано вставать.

Работа бухгалтером Поле очень нравилась. Она любила этот мир цифр и отчётов, относилась ко всему ответственно. Теперь её величали не просто Поля, а Пелагея Павловна. Семён Львович оберегал её от назойливых посетителей, грубостей, матов водителей, являющихся неотъемлемой частью их лексикона. Наивный добрый старикан не знал, что Поля и сама могла за себя постоять. Как– то раз, когда он отсутствовал, пришёл местный скандалист и забулдыга Игнат и стал наезжать на Полю по поводу недоучёта ему трудодней. Выяснения его были не редкостью, почти каждую неделю. Он всегда выкрикивал слова со злостью, и было ощущение, что ещё чуть– чуть, и он набросится на тебя и покусает.

– Да, ты, знаешь, кто я такой! Я кровь свою проливал в войну, чтобы такие, как ты, жили. Вы там жирели в тылу, а кто вам такую хорошую жизнь обеспечил? – С пеной изо рта

орал он, при этом не стеснялся в употреблении всех матерных слов, которые он знал. – Вы мне должны, как фронтовику свои трудовни отдавать, а ты мои кровные мне не досчитываешь! Да чтобы у тебя руки отсохли, шкидла ты городская! – Продолжал он уже на выходе в коридоре.

– Смотрите, чтобы у Вас руки не отсохли. – Тихо произнесла Поля и сверкнув глазами, закрыла дверь перед его носом.

Семёну Львовичу она рассказывать ничего не стала, даже когда он пытался у неё выяснить, почему Поля такая невесялая. На следующий день, придя на работу рано и наведя порядок в комнате, Поля перебирала документы, когда прибежал взволнованный непосредственный её начальник. Семён Львович поведал ей, что всеми нелюбимый Игнат вдруг занемог. И, что к особой радости его жены, уже не может её бить и орать, как прежде, т. к. вначале руки у него отнялись, а теперь и ноги, да и сам он мычит, как немой.

– Всё– таки есть Бог на свете. Не мало крови попил у людей он, – продолжал Семён Львович. – А Мария бедная, так намучилась с ним, хоть вздохнёт несчастная баба. Хозяин он никакой, всё в доме она делала, а он только пил, бил и выступал. На работе толку тоже от него не было, только убытки. Всё всем про войну хвастался. Да не был он на фронте, удачно где– то отсиделся на складе, пока другие кровь проливали... Да, недаром говорят: «Бог шельму метит».

Поля только кивнула в ответ, она то знала причину болез-

ни Игната, и сочувствия к нему у неё не было.

Поля влилась в спокойное русло деревенской жизни. Работа бухгалтером приносила ей удовольствие и была в радость. Семья, в которую она попала, оказалась действительно хорошая и дружная. У каждого были свои обязанности, дети почитали родителей и не перечили им. В доме чувствовалась крепкая хозяйская рука дяди Наума, как называла его Поля. Старший сын был во всём опорой отцу. Добрая тётя Мира заботилась обо всех своих домочадцах. Поля помогала хозяйке в огороде, по дому, и только, помня о своих особенностях, к скотине не подходила. Тётя Мира, между делом, учила Полю готовить и другим разным секретам жизни. Михаил относился к постоялице с уважением, и ничего лишнего не позволял.

– Ну, как тебе у нас? – Спрашивала тётя Мира. – Нравится? Семён Львович тебя хвалит, не нахвалится, говорит, что о такой работнице и не мечтал. Он мужик хороший, справедливый, зря говорить не будет. Значит, ты и впрямь, молодец.

– Спасибо, тётя Мира. Мне очень хорошо здесь. Только по маме скучаю. – Отвечала Поля, продолжая полоть грядку. Они с хозяйкой вместе занимались обычной на тот период года работой в огороде.

– Полно грустить, ведь мама твоя обещала приехать. Она

то, небось, уж точно извелась там вся без тебя. Когда мой Михаил в армии был, я сама себе места не находила. Хоть и мир сейчас, а пойди, знай. Материнское сердце всегда болит и переживает за всех. – Продолжала она свой монолог. – А что ты, Поля, в наш клуб не ходишь, там и танцы, и кино иногда привозят, а также и музыкальная самодеятельность. А поёшь ты красиво, я не раз слышала. – И видя, как зарделась Поля от её похвалы, продолжила, – Не стесняйся ты, нельзя только самой наслаждаться своим талантом, надо людям дать тоже послушать. У нас ни одной такой певуни нет. Иди, сходи в клуб, осмотрись, может понравиться. Ходи пока молодая, а то замуж выскочишь, потом бы и рада куда-то сходить, а не можешь. Хочешь, Михаил тебя проводит туда и назад, чтобы кто-нибудь из местных обалдуев не обидел? – И, не дождавшись ответа, она приняла сама положительное решение.

Вечером Поля с Михаилом пошли в местный светоч культуры и развлечений, а, по-простому, в деревенский клуб. Не успев войти в клуб «нездешняя» подверглась тщательному осмотру с ног до головы местными красавицами. Не обращая внимание на такой обстрел глаз, Поля и Михаил продолжали весело разговаривать. В самом клубе, проходило состязание местных любителей частушек. Девушки, пропев очередную частушку, выбирали следующего, кто будет петь. Особенно выделялась горластая, и без особого таланта, здоровая, рыжая девица. Видя, что новенькая тихо стоит в сторон-

ке и не «болеет» за неё, она, проорав очередную частушку, махнула платком перед Полей. Откуда же ей было знать, что Поля в годы учёбы в техникуме, частенько сама проводила такие конкурсы! Да ещё при этом она обладала голосом и слухом! Когда она запела, то все притихли, никто не ожидал от «новой бухгалтерши» такого красивого голоса. Руководитель клуба, Матвей Иванович, услышав Полино пение, оживился и воскликнул:

– Такой голос может украсить любой концерт. Да и внешность голосу соответствующая. Спой, пожалуйста, ещё что-нибудь лирическое для души.

Поля не стала кочевряжиться и уважила пожилого завклубом. На фоне гробовой тишины, голос её звучал одновременно и сильно и нежно так, что у многих на глазах появились слёзы. Эта была одна из народных песен, разученных в кружке художественной самодеятельности ещё во время учёбы в техникуме. Когда она закончила петь, то все стоящие вокруг замороженные слушатели начали аплодировать.

Только Нюша, та самая горластая девица, что предложила Поле спеть, не желала оценить талант новенькой, и, хмыкнув, сказала своей ближайшей подруге:

– Ничего в ней особенного нет. Голос, как голос, внешность тоже, так себе.

– Ты, Нюшка, просто ей завидуешь. Грамотная, работает бухгалтером. И голос, у неё завораживающий, поёт так, что за душу берёт. И внешностью её Бог не обидел, смотри, ка-

кие у неё глаза красивые – словно озёра. А волосы чёрные, пушистые, курчавые – завивать не надо, не то, что нам. Да и сама она ладная. А что худенькая, то были бы кости, а мясо нарастёт.

К Поле стали подходить знакомиться местные завсегдатели клуба. Матвей Иванович же не скрывал своей радости и восторга от голоса Поли:

– Спасибо, что уважила старика. Давно я такого удовольствия не получал. Двери нашего клуба для тебя всегда открыты. Приходи когда хочешь, а мы будем под тебя подстраиваться. Порадуй всех своим талантом. Люди любят хорошие песни, они дают им радость, счастье, хорошее настроение и заряд во всём.

Поля раскраснелась и поблагодарила доброго завклубом, вместе с тем пообещав приходить в клуб. Назад Поля и Михаил дошли без приключений. Местные ухажёры побаивались рослого и плечистого Михаила, поэтому попыток более близкого знакомства не предпринимали. Дома, Михаил рассказал про поход в клуб, при этом расхваливая Полю. Мира, послушав его, бросила мужу несколько фраз на идиш, отпустив, свойственные для этого языка, шутки. Поля не удержалась и рассмеялась.

– Поля, ты понимаешь, о чём мы говорим? – Спросила оторопевшая тётя Мира. На что Поля кивнула головой и опять весело рассмеялась.

– Откуда, ты знаешь идиш? Наши дети то почти не пони-

мают. Вот мы разговариваем с Наумом, когда хотим посекретничать.

– Я не знаю, откуда, но понимаю. – Ответила Поля.

С тех пор тётя Мира и дядя Наум в присутствии Поли, контролировали свою речь на «секретном языке», чтобы невзначай не обронить «пикантное» словечко.

После Полиного дебюта в клубе, местные парни начали проявлять к ней повышенный интерес, и вскоре у неё появился поклонник. Местный тракторист Анатолий начал чаще, чем обычно навещать её на работе. Ей льстило, что он в свой перерыв, проделав несколько километров пешком, прибегал к ней с охапкой полевых цветов, чтобы, как он говорил, посмотреть на неё. Анатолий был скромный, симпатичный, с волосами цвета спелой ржи и ярко синими весёлыми глазами. Через месяц таких ухаживаний, он сделал Поле предложение. Соседка, подруга матери Анатолия всячески способствовала этому союзу.

– Что ты Поля раздумываешь. Такие, как он на дороге не валяются, мигом уведут. Девки на него так и липнут, вон, как Нюшка по нему сохнет. А что, он жених то видный, любимый и единственный сын после трёх дочерей у матери. И дом у него есть, и огород, и скотина. А, как любит то Только тебя. На руках готов носить, да и детки у вас будут красивые.

Соглашайся, не раздумывай, а то упустишь своё счастье, потом локти кусать будешь.

В воскресенье Анатолий пригласил Полю на смотрины к себе домой.

– Ты, Поля не бойся, там только мать будет. Она, после смерти отца, по очереди живёт у сестёр, а дом оставила мне. Только боится, что я с хозяйством не справлюсь. Хочет, чтобы я на хорошей хозяйке женился. Мать у меня хорошая, зря не обидит, не обращай на то, что про неё в деревне говорят.

Про мать Анатолия ходили слухи, что она вроде колдовать умеет. Но Поля «таких» не боялась, т. к. и сама не лыком была шита. Встреча с матерью Толи прошла легко, без напряжения. Когда они пришли, то будущая свекровь хлопотала на кухне, накрывая на стол. Красивая женщина, с когда-то воронёными волосами, сейчас припудренными слегка сединой, она окинула Полю внимательным взглядом. Та, хотя и смущалась, но взгляд не отвела. На Полино приветствие, мать улыбнулась и произнесла:

– И тебе, доченька, доброго дня! Молодец сынок, красивую себе девушку выбрал, да люди говорят ещё и умную, и работающую, да и поёт, как соловей. Ты, Поля, не стесняйся, проходи, он мне про тебя все уши прожужжал. Да и в деревне мы живём, тут у всех всё на виду – не успеешь о чём-то подумать, то уже все обсуждают. – Она спохватилась, – Что это я вас у порога держу. Проходите за стол, я тут наготовила для гостей долгожданных.

За столом, во время беседы, мать Анатолия ненавязчиво расспрашивала Полю про её семью, а также рассказывала про свою, про детей. Поля каким-то шестым чувством ощутила в ней родственную душу. Всё проходило в тёплой обстановке, за вкусной от души приготовленной едой. Когда обед уже близился к завершению, Толина мать неожиданно посерьёзnela и торжественно произнесла:

– Ну что ж, я вижу, что мой сын сделал правильный выбор, и я буду счастлива, иметь такую невестку. Я вас благословляю дети, совет вам да любовь.

Слёзы счастья выступили на глазах у матери, но она сдержалась и обняла благословлённых. Поля тоже не расплакалась, хотя в носу предательски защипало, да и глаза были на мокром месте. У неё было ощущение, что это происходит не с ней, а с кем-то другим. Свадьбу, молодые решили не делать, а просто расписаться в сельсовете. А после бракосочетания, молодая жена переедет в дом мужа. Анатолий весь светился от счастья, обещал носить на руках будущую супругу и попросил Полю о том, чтобы поскорее расписаться сразу же после того, как он вернётся из командировки. Его на неделю посылали на работу в соседний район. Поля не смогла ему отказать, хотя что-то в душе ей подсказывало, что спешка тут не к чему. Но она была молода и, как все девушки, боялась упустить свой шанс. В тот же день, вернувшись домой, Поля сказала хозяйке, что скоро съезжает.

– Что случилось то, может мы тебе чем-то не угодили? –

Взволнованно спросила тётя Мира.

– Нет, ну что Вы, тётя Мира. Вы для меня, как семья, – успокоила её Поля. – Просто я замуж выхожу за Анатолия, я сегодня у него дома была, познакомилась с его мамой, она нас и благословила уже.

– А не торопишься ли ты, доченька? Ты ж его почти не знаешь. Может, стоит приглядеться. Ведь замужество это тебе не за водой к колодцу сходить. Выбор должен быть точный, раз и навсегда. Нет, я тебя не отговариваю, – продолжала тётя Мира, – Но подумать, иногда не мешает. Поля ты и мне, как дочь. Поэтому и веду я себя с тобой так, как любая мать, перед тем, как её дочь сделает такой ответственный шаг.

– Спасибо, тётя Мира. Я подумаю, обязательно подумаю.

На следующий день, Поля припозднилась с работы. Она шла, задумавшись о своей жизни, о предстоящем замужестве. Для своих 18 лет, она была здравомыслящей и рассудительной девушкой. Радость, тревога, счастье, мечтания переплелись в её сердце. Такие переживания характерны для каждой девушки перед свадьбой. Так в задумчивости, она прошла большую половину дороги до дому тёти Миры и дяди Наума. Впереди нарисовалась крупная женская фигура. Подойдя поближе, Поля разглядела Ньюшку, которая, как

обычно вместо приветствия вдруг «залаяла»:

– Кто тебя звал сюда чужих женихов уводить! Анатолий, мой, ты слышишь мой, и пока тебя не было, он хотел жениться на мне!

Слова она выкрикивала так, что её речь действительно была похожа на лай, причём лай неугомонной собаки. Поля уже была наслышана от девушек с художественной самодеятельности про эту одностороннюю безответную Ньюшкину любовь, и про то, что та не давала Анатолию прохода нигде.

– Шкидла городская, приехала сюда! Нам и без тебя хорошо было! – Она продолжала вылаивать слова, при этом надвигаясь своей мощной фигурой на Полю. – Чтоб тебя машина переехала!

Тут Поля не выдержала и ответила тихо и внятно, сверкнув при этом глазами:

– Смотри, чтобы тебя машина не переехала.

И, не дав Ньюшке выплюнуть очередную гадость, обошла её и продолжила свой путь. Возле дома её встретил Михаил.

– Поля, я хотел с тобой поговорить, – начал он запинаясь. – Я слышал, что ты замуж выходишь за Анатолия. А я мечтал, что ты согласишься стать моей женой. Ты мне сразу понравилась, как только я тебя увидел. Просто, хотел дать тебе осмотреться и привыкнуть, да и не хотел торопить тебя. – Затем он справился с собой, и его речь стала плавной. – Я очень серьёзно отношусь к браку и семье. Я хочу оберегать тебя и сделать счастливой. Не торопись, подумай, это очень

серьёзное решение. Я буду ждать твоего ответа сколько нужно.

– Михаил, ты очень хороший, добрый, но я отношусь к тебе, как к брату. Ты встретишь ещё свою единственную, замечательную и достойную тебя девушку. Ты меня ведь не знаешь, и, поверь, что ты слишком хорош для меня. Извини, но я приняла уже решение, – ответила Поля тихо и, обойдя Михаила, вошла в дом.

На следующее утро за завтраком, тётя Мира рассказала о несчастном случае с дояркой Нюшкой, бывшей ухажёркой Анатолия. Что та, торопясь домой после утренней дойки, поскользнулась и попала под колёса машины забравшей полные бидоны молока с фермы.

– Хоть не мучилась, померла прямо на месте. А шофёр то, бедолага, не видел, там куча народу была, все подтвердили его невиновность, да и ехал он тихо. – Продолжала тётя Мира. – Молодая девка, кровь с молоком, ну, правда, злющая была, как собака цепная. Она и разговаривала по–собачьи – только лаять и умела. – Ну, тут же спохватилась. – Ой, что это я, о покойниках плохо не говорят.

Поля никак не отреагировала на этот рассказ. Тётя Мира списала её поведение на предсвадебную задумчивость. Откуда же ей было знать, что к судьбе Нюшке, Поля имеет непосредственное отношение.

Анатолий вернулся из командировки на день раньше, т. к. торопился к любимой, да и хотел привести в порядок их будущее гнёздышко. В назначенный день, с утра, Поля и Толя, обрядившись в свою лучшую одежду, расписались в сельсовете. На обратном пути, они захватили Полины вещи. Из хозяйев дома была только тётя Мира. «Это и к лучшему», – подумала про себя Поля, потому что она боялась конфликта между Анатолием и Михаилом.

– Спасибо за всё, тётя Мира. За то, что приняли меня, как родные, за то, что подарили мне заботу и внимание, в которых я нуждалась. – Поля не могла сдержать слёз. – Я вас никогда не забуду, и, если можно, то буду приходить и навещать вас. И вам тоже буду рада, если надумаете ко мне, теперь уже к нам, – поправилась она, – заглянуть на огонёк. Ещё раз спасибо большое.

– Ну, что ты, доченька, ты же нам, как родная, – тётя Мира и не пыталась сдерживать слёз. – Я тебя поздравляю, будь счастлива родная. Не забывай нас, навещай, мы тебе всегда будем рады.

Они крепко обнялись, как родные мать и дочь, которые не хотели расставаться, но это был необходимый жизненный шаг. Потому что у Поли началась новая жизнь, под другой фамилией и с новым статусом замужней женщины.

Мать к Полиному замужеству отнеслась сдержанно. Вроде бы и поздравила, но как-то не по-матерински, не от всей души. «Она вообще была сдержанна на эмоции, а может то, что случилось с ней самой, отложило на неё неприятный отпечаток». – Так рассуждала Поля, после прочтения материнского письма. Она знала, что её отец не погиб, а уехал из деревни по просьбе матери. На эту тему мать и дочь никогда не разговаривали и не касались, как будто и не было этого человека в их жизни.

Семейная жизнь закружила Полю в своём водовороте. Всё было в новинку. И то, что она была хозяйкой в доме и в огороде, сама готовила, наводила порядок, стирала, гладила, и при этом ещё и работала. Попросту говоря, Поля, как и многие женщины, успевала всё, крутясь на одной ноге. Анатолий тоже торопился домой после работы к молодой жене. Его мать, навещала дочерей, поступив, как мудрая женщина, дав молодым побыть вдвоём. Весть о том, что Поля беременна, обрадовала Анатолия настолько, что он с радости впервые напился до бесчувственности. Его компаньоны по обмыванию предстоящего отцовства, сами, находясь в чуть лучшем положении, еле допёрли его до дома. Этот бесшабашный поступок Анатолия и послужил причиной их первой ссоры. На следующий день Поля задержалась на работе до вечера, не

хотелось идти домой после вчерашнего скандала с пьяным мужем. Уже на подходах к дому, Поля услышала голос свекрови. «Приехала, сыночка защищать, „– грустно подумала она. Но, поднявшись на крыльцо, она расслышала, к своему удивлению, как мать отчитывала сына, а не занималась, как в других семьях обсуждением нерадивой невестки.

– Ты, что совсем уже голову от радости потерял! Да, по твоему поступку, у тебя никогда и не было головы! Такая девушка тебе досталась, да вдобавок счастье, что скоро будет у вас ребёнок! А ты всё испортил! А ты, дурья твоя башка, подумал о том, что она переживает и тебя обалдуя до полуночи в окно выглядывает, и, что она ребёночка могла бы потерять от таких переживаний! Вот тогда бы ты обмывал не своё отцовство, а потерю бы неродившегося дитя! Я её в обиду не дам, она теперь и моя дочь, и внука моего под сердцем носит! Так, что знай, я на её стороне! И не дай Бог, если ты её обидишь ещё хоть раз!

– Ну, что ты, мама, – робко вставил фразу Анатолий. – Да, это ребята уговорили, чтобы я проставился, а то, мол, радость какая, отцом скоро будешь, и нельзя от коллектива отделяться. Ну, вместе работаем, как– то неудобно. Вот я и поставил им, а они потребовали, чтобы я с ними выпил. А я, ты же знаешь, и пить не умею, да и голодный ещё был.

– Голову на плечах иметь надо и мужское „нет“ вовремя сказать уметь! А если завтра твои ребята, ещё чего–нибудь потребуют! Не ожидала, я от тебя, Толя, такой безот-

ветственности!

– Да, ладно, мама, прости меня дурака.

– У Поли прощения проси, а не у меня. Ты представляешь, как ей сейчас тяжело. Выходила замуж за одного, а он оказался... Ох! Слов нет! Вон видишь, даже домой идти не хочет, и я её понимаю!

– Да, я Поле в глаза смотреть не могу, мне так стыдно перед ней. Я...

– Нет, уж, милый, натворил дел, теперь, будь добр, исправляй, – оборвала его мать. – Что– то долго и впрямь Поли нет. Что стоишь, иди, ищи её!

Тут Поля поняла, что таиться на крыльце нет смысла, может кто-нибудь из дома выйдет, или соседи заметят, да и беременность давала о себе знать – всё время хотелось есть, порой так, что даже голова от голода кружилась. Когда она зашла в дом, то свекровь обрадовалась ей и бросилась с объятьями. Ужин, приготовленный матерью Анатолия, уже стоял на столе, маня к себе вкусными запахами.

– Полюшка, что ж ты так долго! – Запричитала свекровь. – Небось, проголодалась! Теперь тебе работать надо меньше, кушать вовремя, беречь себя! Да, я всё знаю, и тебя поздравляю, да и себя тоже, наконец– то, бабушкой стану. – Продолжая разговаривать, она нежно обнимала Полю.

Поля знала, что все три старшие сестры Анатолия, не смотря на замужество в течение нескольких лет, не имеют детей.

– Я тебе подарочек, по этому случаю привезла, – продолжила свекровь. – Вот гляди, нравится? – Женщина заглянула в глаза Поли, протягивая красивый отрез материи. И получив, утвердительный кивок головой, продолжила. – А то ты скоро из– за своего интересного положения поправишься, платье надо будет новое. Так материал и пригодится. – И увидев слёзы в глазах Поли, встрепенулась. – Ты, что, доченька! Тебе расстраиваться нельзя сейчас никак. Если же ты из– за этого обалдуя, – свекровь кивнула в сторону сына, – то не стоит. Я ему мозги уже промыла. Ой, Полюшка, если бы мужики были бы, хотя наполовину, как мы бабы, то никаких бы проблем в мире бы и не было!

Она вытерла слёзы Поле чистой стороной фартука. И продолжила:

– А, ты, молодец, доченька. Чисто у тебя, прибрано, порядок везде, даже в огороде ни травинки. – И, повернувшись к сыну, добавила. – Видишь, какая жена тебе досталась, осталоп! А ты не ценишь! – Затем продолжила. – Поля, умывайся и к столу, я много чего вкусного наготовила. Старалась для тебя, моя ты, хорошая. Я сейчас, только к соседке на минуту сбегая. – Умная женщина понимала, что надо дать поссорившимся супругам побыть наедине и разрешить проблему самим.

Свекровь вышла, а к Поле робко приблизился Анатолий. Когда свекровь вернулась обратно, то молодые уже помирились. Поля, повеселевшая, с новым, накинутым на плечи

цветастым платком – подарком мужа, глазами дала свекрови понять, что всё в порядке. Все сели к столу, и с аппетитом принялись уплетать, приготовленную матерью, вкусную еду.

Чтобы облегчить Поле жизнь, свекровь взяла на себя всю основную работу по дому. Мысль о будущем внуке, а то, что будет именно внук, она определила на первых месяцах беременности, давала ей силы и радость. Такой заботой свою родную дочь, находящуюся в интересном положении, не каждая мать окружает. Свекровь даже своих дочерей не спешила навестить, да и их в гости не приглашала, потому что Поле нужен был покой и отдых. Анатолий вёл себя, как настоящий семьянин и будущий отец, стараясь угодить во всём Поле. Захотела она рыбы – поехал на рыбалку, вспомнила родные края и тамошние яблоки – добыл где-то желанные плоды. И так во всём.

– Ты, знаешь, Поля, а что у нас сарай пустует то? Давай кур разведём, поросёнка, козу. Будет всё своё, свежее, и тебе, да и внуку потом, – завела разговор свекровь, когда они были с Полей одни дома, и, увидев задумчивое выражение лица невестки, добавила. – Не бойся ты, я знаю, что ты со скотиной не дружишь, я сама такая. Но кормить будешь, живность к тебе и подойдёт, уже проверено на личном опыте. А козу доить Толя будет, у него таких проблем нет.

– А, что, Вас тоже животные не любят? – Удивлённо спросила Поля. – И откуда, Вы узнали, что у меня... то же самое?

– Поленька, я давно уже на этом свете живу, много чего повидала на своём веку. Хорошего человека от плохого, отличу запросто. А, то, что мы с тобой, как бы сказать, „одним миром мазанные“, что ли, я поняла сразу. Ты же ведь слышала, что бабы деревенские обо мне говорят... – Вздохнула, махнув при этом свекровь, и продолжила. – Я так обрадовалась, что Толя тебя выбрал, похожую на меня. У нас в семье колдовской талант девочка получает при рождении от матери, мальчикам он не переходит. Но нельзя злоупотреблять этим. Вон, моя мать переусердствовала, так девчонки мои бесплодные, да и дар им не передался, да и я не совсем здорова. Мужики, в женщин с таким талантом, влюбляются и любят до смерти. А ты, Поля, „меченая судьбой“. Ты тоже много чего можешь, но запомни, что за всё платить, потом придётся...

На этом их разговор прервался, т. к. Анатолий вернулся пораньше домой. Вечером во время чаепития, свекровь провела успешно беседу с сыном о разведении живности. Анатолий с радостью согласился, как и то, что пообещал взять на себя уход за скотиной. Тем более, что он и сам любил побаловаться молоком. По словам свекрови, их семья приехала на Дальний Восток из Сибири. Прадеды их назывались гуранами, и пить чай с молоком, эта традиция в их семье заложена ещё с тех времён. Но, хотя Поля и старалась уважить

эти традиции, но пить такой чай, всё – же не смогла. Поэтому, она по– прежнему пила некрепкий чай, не особенно ценя и понимая данный напиток. Да и никто её и не заставлял делать то, чего она не хотела. Вскоре их сарайчик наполнился живностью, и, муж Толя взял на себя эту часть домашней работы.

Роды были обычные, мальчик родился небольшой, меньше 3– х килограмм, похожий на Анатолия. Счастью свекрови не было предела. Она забыла про все свои болезни и взяла на себя заботу о невестке, сыне, внуке, доме и хозяйстве. Сёстры Анатолия, приехав посмотреть на племянника, были в тот же день отправлены домой матерью.

– Чтобы из– за зависти не сглазили ребёнка, – так объяснила их неожиданный отъезд, выпроводившая их свекровь.

Мальчика, по общему согласию, назвали Алексеем. Алёша быстро набирал вес на материнском молоке, а его мать в то же время похудела до ещё меньшего размера, чем была до замужества. Когда ребёнку исполнилось 2 месяца, Поля вернулась на работу, прибегая в обед домой, чтобы покормить его грудью. Но сыну такая кормёжка не понравилась, и он с удовольствием перешёл на коровье молоко. Как– то раз, когда свекровь с полугодовалым сыном отправилась на прогулку, а Поля, вернувшись пораньше с работы, готовила

праздничный ужин по поводу полугодия Алёши, к ним в дом заявился работающий вместе с Анатолием, Василий. Это он тогда подбил Анатолия, напиться до бесчувствия по поводу будущего сына.

– Я, по просьбе Тольки, зашёл предупредить, что он задержится, потому что бригадир просил его перепахать дальнее поле. А то ты прямо, как жандарм, не даёшь ему шага ступить никуда, ни с друзьями после работы расслабиться, поэтому и попросил он доложить тебе. – Продолжал он кривляться, скалясь гнилыми зубами.

– Спасибо, что „доложил“, и... прощай. – Сказала Поля, быстро, раскатывая при этом тесто.

– Ну, ты чего, за то, что пришёл с вестью, мне стаканчик полагается, – завозмущался „гонец“.

– Нет у нас, такого добра не держим. И давай, Василий, отсюда побыстрее уходи, не мешай мне готовить. – Сказала Поля, решительно настроена выгнать нахала.

– Это ты так меня благодаришь, за то, что весть от мужа принёс? Неблагодарная ты, Польшка! Да чтоб ты отравилась своей стряпнёй! – Выкрикнул практически неспросыхающий алкаш Василий.

– Смотри, сам не отравись самогонкой, – тихо сказала Поля, и сверкнув по – недоброму глазами, взяла в руки скалку, и направилась к Василию.

Василий, не ожидав от Толькиной жены такого, попятился, и кубарем скатился с крыльца. Вскоре вернулась свекровь

с сыном, поужинали вместе без Толи. А уже, когда тот вернулся и с жадностью набросился на приготовленные Полей пельмени, попили с ним за компанию чайку.

Через три дня после того вечера, Анатолий вернулся домой раньше обычного, какой-то подавленный и невеселый.

– Что случилось сынок? – вглядываясь ему в лицо, спросила свекровь.

– Василий помер, – растерянно заговорил Толя, – он на работу уже несколько дней не появлялся, ну мы думали, что, как обычно запил. А бригадир, злющий, что Василий в самую работу запил, отправился к нему домой, а тот там мёртвый лежит, а рядом с ним полбутылки самогонки. Говорят, вроде бы, самогонкой отравился...

– Не хорошо, конечно, сынок, – вмешалась свекровь, – но туда ему и дорога. Не жаль мне его нисколько. Мало того, что сампил, мать в гроб загнал, так ещё и других с пути сбивал.

Поля, как всегда промолчала, не высказав своего мнения по данному поводу.

В середине лета, Поля поняла, что опять беременна. Эту весть дома встретили с радостью, устроив маленький семейный праздник. Алёша ещё не ходил, только ползал, но за ним нужен был глаз, да глаз. Такой проворностью отличаются не многие дети. Свекровь бегом не поспевала туда, куда он до-

ползал. Алёша обожал отцовскую грязную одежду, инструменты, и, конечно же, всё, что противопоказано маленьким детям. Поля старалась не брать сына на руки, потому что тот, из-за своей вертлявости, всегда умудрялся пнуть её в живот. Вторая беременность протекала хорошо, без осложнений. Поля набрала вес больше, чем с первым. В том, что опять будет опять сын, свекровь определила с радостью ещё в начале беременности. Роды протекали ещё легче, чем с первенцем, но их Поля почти не почувствовала, потому что она очень хотела увидеть второго сына. И тот долго не заставил себя ждать. Он был крупнее Алёши с весом в 3 с половиной килограмма, очень хорошенький, похож на своих родителей, с синими глазами, как у всех новорожденных и светлыми волосиками, как у Толи. Поля даже испытывала лёгкое чувство вины перед первым ребёнком, но второго, она, почему то сразу полюбила больше, ещё до его рождения. Он был её частью, её душой, её радостью. Поля решила его назвать в честь дедушки Сергеем. Имя родственникам тоже понравилось, а в чью оно честь Поля скромно уточнять не стала.

Серёжа, в отличие от Алёши, был очень спокойным и тихим. Такие дети обычно рождаются на зависть другим матерям, потому что, он только спал и ел. Просыпался, чтобы поесть, ему не мешали ни мокрые пелёнки, ни шум, который устраивал старший брат. Алёша к появлению нового члена семейства отнёсся с любопытством, но интерес быстро прошёл, т. к. младший брат не ходил, и даже не ползал. Стар-

шему сыну к тому времени было почти 2 года, непоседа и егоза, он как бы своим таким поведением старался привлечь внимание матери, которого ему, явно не доставало. Но Поля была занята для него, и отдавала предпочтение младшему сыну.

Когда Серёже исполнилось 2 месяца, Поля вышла на работу, отдав свекрови присматривать за детьми. Бабушка обожала обоих внуков, но первому уделяла больше внимания, компенсируя, таким образом, недостаток материнской ласки. В один из выходных, когда свекровь пошла помыться в баню, а Анатолий уехал за дровами, Поля снимала бельё во дворе, Алёша, конечно же, увязался за матерью. Относя первую партию белья в дом, Поля тихонько проверила Серёжу, мальчик крепко спал, сладко посапывая. Поля залюбовалась сыном, но вдруг услышала истошный крик на улице. „Алёшка,“ – мелькнуло у неё в голове. Выскочив на улицу, она увидела, как соседская корова катает в их огороде, подкидывая рогами, по снегу клубок. Приглядевшись, Поля поняла, что этот клубок старшенький её Алёшка. Поля остолбенела, ноги её не слушались, язык одеревенел, она не могла сдвинуться с места. Вдруг к корове метнулась чья– то фигура. И Поля узнала свекровь, которая отважно бросилась защищать внука. Корова попятилась назад, оставив мальчика в покое. Тут и ступор отпустил Полю, она рванула к ребёнку. Но, бабка уже подхватила своё сокровище, отбитое у коровы, и, прижав комок к себе, побежала к дому. Дома, свекровь

ничего не говорила, а только ощупывала ребёнка. Алёша от испуга был белый, как смерть, но больше всего пугал отрешённый взгляд ребёнка.

– Слава Богу, ничего не сломано и не повреждено, – произнесла тихо свекровь, – видать в рубашке родился наш мальчик.

– А чего же он такой тихий, и так странно смотрит, – прошептала Поля.

– Испугался он сильно, – ответила свекровь.

– Наверное, надо в больницу бежать, пусть там доктора проверят, глотая слёзы, прошептала Поля. – Прости, сыночек, что не уберегла тебя, уж лучше бы меня корова подняла на рога ...

– Не раскисай, Поля, нет у нас на это времени, – прервала её стенания свекровь. – Не надо в больницу, доктора в этом ему не помогут, а я ещё смогу.

Бабушка заварила каких– то трав из своего запасника, и дала этот остывший травяной чай Алёше, приподняв его и буквально вливая ему в рот по глотку. Напиток усыпил мальчика. Затем, свекровь перенесла обмякшее тело ребёнка на покрытый одеялом стол, зажгла свечу у изголовья Алёши, и начала что– то тихо шептать, при этом поглаживая тело ребёнка. В конце она умыла его своей особой припасённой водой, и вытерла лицо внутренней стороной его же рубашки.

– Всё. – Устало произнесла свекровь. – Уноси его Поля спать в кроватку.

Когда Поля, уложив Алёшу, вернулась к свекрови, та сидела на том же месте без сил, бледная и постаревшая. Ей и самой казалось, что этот случай отнял у неё несколько лет жизни, но она согласна была отдать всё, чтобы её мальчик поправился. Видать таково настоящее материнское сердце, умеющее любить и жертвовать.

– Мама, – Поля обратилась к свекрови, – Алёша поправится?

– Думаю, что да, испуг я сняла, а внутренних повреждений у него нет. – Тихо произнесла свекровь.

– Спасибо, Вам... – Голос Поли предательски дрожал, она не выдержала и расплакалась.

– Поплачь, доченька, поплачь, это слёзы облегчения, когда всё уже плохое позади. – Свекровь с трудом поднялась со стула. – Пойду я тоже прилягу, а то устала что– то.

– Давайте, я Вам помогу постель расстелить, – встрепенулась Поля. – Может чаю приготовить? – Вспомнила вдруг невестка любимую привычку свекрови чаёвничать после бани.

– Нет, милая, спасибо. В сон меня клонит. Этот случай все силы у меня забрал. Так что, лучше всего сейчас для меня поспать.

Поля, после того, как помогла свекрови лечь, проверила мальчиков. Алёша спал, бледность прошла, и выглядел он, как обычно. Серёжа уже проснулся и тихо лежал в своей кровати. Поля накормила младшего сына, умыла и подмыла,

поменяла ему одежду, и опять уложила в кроватку, сомлевшего от всех процедур, мальчика. К тому времени вернулся Анатолий. Поля плача, рассказала ему о случившемся, и попросила разобраться с соседями по поводу бодучей коровы, которая чуть не лишила их Алёши жизни.

– А не с кем разбираться, – сказал Анатолий. – Ветеринара нашего я сейчас встретил, так он от соседа выходил. Сказал, что соседская корова издохла. Пена кровавая ртом пошла, пятнами покрылась, рога обуглились. Вроде днём сосед корову пустил в огород погулять. А к вечеру хотел загнать, а та во дворе мёртвая лежит.

– Тогда лучше им ничего не говорить, а то подумают ещё, что мы её отравили. – Осмысливая рассказ мужа, сказала Поля.

На следующее утро, Алёша проснулся рано, но был необычно тих и спокоен. Поля не отпускала ребёнка ни на шаг, не забывая и о Серёже. Она переделала все утренние дела, и ей уже надо было бежать на работу, а свекровь всё не выходила из своей комнаты.

– Мама, мне уже пора бежать, – с такой фразой Поля с детьми зашла в комнату свекрови, и увидела ту бледную, лежащую до сих пор на кровати. – Вам плохо, мама?

– Что– то занемоглось, мне доченька. Видать вчера на себя

всё забрала. Не смогу я сегодня за внучками приглядеть. – Она ласково посмотрела на Алёшу. – Ну что, мой дорогой, с днём рождения тебя.

– Вы лежите, лежите. Может врача позвать? Сейчас я чаю приготовлю. – Захлопотала Поля. – Я с Вами и детьми дома побуду, сколько надо, отпуск возьму, да и дома можно поработать. Семён Львович мне не откажет.

– Ни надо никого звать. Сама выкарабкаюсь. – С невесёлой улыбкой произнесла свекровь. – А от чая не откажусь.

Прошло несколько дней, а свекрови лучше не становилось. Местный фельдшер назначил лечение, но по поводу диагноза ничего вразумительного сказать не мог. Дочери же, мать ни навестить, ни забрать для ухода к себе не желали. Тут ещё новая беда нагрянула. Анатолий из-за болезни матери запил. И Поля вместо необходимой ей помощи получила ещё одно неразумное дитя. Собутыльники на работе вправляли ему мозги, что хватит быть «подкаблучником», и пора уже показать, кто в доме хозяин. Ну, он и показал. Свекровь, увидев утром синяк на лице Поли, покачала головой и сказала:

– Ты, прости, меня доченька, что не воспитала сына, как надо. Но этому я его не учила. Но видать, мне надо исправить свои ошибки. – И добавила. – Мне получше уже. Съезжу с соседом в город в больницу. Да и дела кое-какие надо сделать.

Вечером, когда Анатолий вернулся с работы во время и

почему то трезвый, мать ждала уже его, сидя за кухонным столом. Она позвала Полю, и начала свой разговор сразу, как только он переступил порог. Сын не мог смотреть ей в глаза, и был похож в тот момент на виноватую побитую собаку. Каждое слово сказанное матерью было для него, как удар хлыста. Мать продолжала говорить тихо, медленно, отпечатывая каждое слово:

– Значит так, сын. Обещания данные тобой жене оказались пустыми. Твои собутыльники заменили тебе семью и детей. Настоящий мужчина никогда не поднимет на женщину руку. Такое не прощается. Ты теперь для меня пустое место. Но у меня есть долг перед Полей и моими внуками. Я виновата перед ней, ведь я вместе с тобой давала ей обещания. Поэтому, я сегодня выполнила то, что должна была сделать. Теперь этот дом принадлежит Поле. И, как только она скажет тебе убираться, то ты должен покинуть этот дом, забрав только свою одежду. Это моя последняя воля и ты обязан её выполнить. Ни ты, ни твои сёстры на этот дом претендовать не можете. И не дай Бог вам меня послушаться. Этот дом Полин и детей. Я всё сказала.

Мать повернулась к Поле, и сказала той ласково:

– Давай доченька чаю попьём. Я кое– чего в городе вкусного купила. Да и платок тебе тёплый, красивый, возьми там на кровати. Да ещё там разное, всё тебе да деткам. Сама разберёшься.

– Спасибо, мама. Не надо было, – засмушалась Поля. – Вы

ведь ещё не поправились совсем. Да, а что там сказал доктор.

– Ну, как обычно. Что нам старикам говорят то. От старости лекарств пока нет. Ну, хватит про болезни. Чаю хочется.

На Анатолия никто не обращал внимания, как будто он и впрямь был пустым местом.

Жизнь текла своим чередом. Поля пока работала дома, т. к. свекрови было тяжело управиться с двумя мальчиками, да и хозяйство было не маленькое. К Алёше вернулась его непоседливость. За ним был нужен глаз да глаз. Однажды Поля пошла к колодцу за водой, старший сын увязался с ней. Соседка заговорила её, расспрашивая про свекровь. Поля вдруг обнаружила, что в руке она держит только варежку сына. Маленький озорник опять умудрился выскользнуть. У неё похолодела в груди, когда она нашла глазами проказника: тот заглядывал в колодец, почти перевесившись вовнутрь. Тихонько, чтобы не напугать ребёнка, и не дать ему от страха и неожиданности упасть в колодец, Поля подобралась и, схватив его за плечи, притянула к себе. Сердце билось так, что казалось, выскочет наружу.

– Алёшенька, не надо так больше делать, а то мама, чуть не умерла от страха. Там в колодце страшная «бабайка» живёт, – решила она отвести ребёнка от опасного места. – Ты не смотри в колодец, а то эта «бабайка» детей к себе заби-

рает. Хорошо, договорились? Пообещай маме. – И Поля посмотрела в лицо мальчика в ожидании ответа.

Мальчик купился на хитрость матери, и серьёзно кивнул головой. Больше он не хотел заглянуть в колодец.

К Новому Году позвали соседа зарезать кабанчика. Побаловались свежениной. К празднику налепили пельменей, наделали котлет, посолили сала. Снимая пробу с сала, дали и кусок попробовать, крутившемуся у стола Алёшке. Тот через некоторое время прибежал и ещё попросил кусок.

– Гляди, как внучку сало– то понравилось, – рассмеялась свекровь.

– Пусть ест, ему не вредно, он у нас стройный, – сказала в ответ Поля, и вдруг насторожилась. – Мама, что– то Серёжа замолчал.

Младший сын до этого громко агукал и издавал различные звуки из своей кровати. Это было одно из его любимых занятий, и, благодаря этому, Поля успевала всё по дому. Но, видать, материнское сердце предсказало, что что– то случилось с Серёжей. Поля кинулась к нему и увидела, что ребёнок синий, а рядом с ним беспокойно крутится Алёша с куском сала в руке, тыча в него пальчиком, и, что– то лепечет. Что– то подсказало матери, что Серёжа подавился салом, которым его угостил старший брат. Не помня себя, Поля схватила на руки синего младшего сына и умудрилась вытащить изо рта застрявший кусок сала, благо, что тот был не глубоко. Ребёнок облегчённо вдохнул и разразился таким плачем,

что заложило уши. Так он проплакал почти полчаса. Когда Серёжа, уже после всего случившегося, успокоился и тихо посапывал в своей кроватке, а притихшему Алёше было объяснено, что младшему брату со стола еду давать может только мама, свекровь заговорила с перенервничавшей Полей.

– Видишь, доченька, не надо бояться. Особенно, когда касается твоих детей. Надо верить, и ты сможешь помочь.

Поля потом не раз с благодарностью вспоминала свою свекровь, за всю ту мудрость и добрые советы, что обрела через неё.

Анатолий пить не перестал, спал он теперь на старом топчане, на кухне, постепенно деградируя, превращаясь, как и многие пьющие в своеобразное растение, нуждающееся только в регулярных возлияниях. У Полиного мужа была дурная привычка, которая чуть не стоила жизни его матери: разбрасывать грязную одежду и инструменты. Маленький Алёша очень любил играть с запчастями, приговаривая: «Куц, гайка». Что в переводе означало: «Ключ, гайка». Однажды найдя, брошенный отцом молоток, Алёша решил похвастаться новым трофеем бабушке. Но, та в этот момент мирно спала, не подозревая о «чудесной находке внука». Мальчик решил её разбудить, и, не зная как, ударил любимую бабушку молотком по голове. Благо то, что он не об-

ладал силой. На крик свекрови прибежала Поля, хлопотавшая в это время на кухне, и застала следующую картину. Маленький Алёша плакал и гладил бабушку по голове, при этом приговаривая: «Баба, баба, вава, вава».

– Дурья твоя башка, – ласково потрепала его по волосам свекровь. – Чуть было бабушку не убил. И кто бы потом поверил твоей матери, что это сделал ты. Посадили бы её ни за что в тюрьму, а вас – то при таком отце в детский бы дом сдали. Так, что милый ты мой, молоток трогать нельзя. – И, показав на свою голову, добавила его же языком, – «головка у бабушки вава». Молоток нельзя, ты понял внучек? – Ласково, но в то же время и строго спросила она. И увидев, что тот в ответ кивает головой, привлекла его к себе, и, поцеловав в голову, продолжила. – Солнышко, ты, моё.

Но тот удар, видать всё–таки сделал своё дело. Свекрови опять занемоглось, и, теперь, она большую часть времени проводила лёжа. Когда Поля принесла ей свежего компота попить, то она попросила присесть возле неё на кровать.

– Поля, послушай, доченька, чувствую, что близится мой час. – На попытку Поли возразить, свекровь подняла указательный палец руки. – Не перебивай, а выслушай до конца. Эта весна меня заберёт. Ты, Поля, напиши матери правду, и позови её сюда. А то тяжело тебе одной будет, надорвёшься, а ещё и детей поднимать надо. – Свекровь отпила компот, приготовленный Полей, и, поставив кружку на стоящий рядом с кроватью табурет, выполняющий роль прикроватного

стола, продолжила дальше. – Детей моих ты не бойся. Ана-толия выгоняй, хватит ему на твоём горбу сидеть, а дочкам моим скажи, что вся моя сила к тебе перешла, так они сами убегут. Только, прошу тебя, Поля, не наказывай их. Ты сама понимаешь, о чём это я. Запомни, Поля, мужчины рядом с такими сильными женщинами, как мы, не могут выдержать, и начинают пить. Такова судьба наша... Я пожила достаточно на этом веку, пора и честь знать...

– Мама, ну что Вы, торопитесь так умирать, живите долго. Неужели Вы не хотите увидеть, как Ваши внуки вырастут, женятся, появятся правнуки... – Поля говорила тихо, и со слезами на глазах.

Свекровь взяла Полину руку, и внимательно посмотрев на ладонь, сказала:

– Поля, ты ведь знаешь, что я могу предсказывать судьбу. И никогда не ошибаюсь. Так вот, милая, от судьбы не убежишь. – Затем, свекровь постаралась перевести разговор на нейтральную тему. – Я и твою судьбу знаю, и внуков.

– Мама, расскажите, что нас ожидает, – Полины глаза за-светились, как у ребёнка.

– Нет, не хочу говорить. Много будет чего в твоей жизни, и радости, и горя, будет и то, что любая мать врагу не пожелает, но лучше ничего не знать, а жить, и наслаждаться жизнью. Ничего не поделаешь, такова твоя судьба. – И увидев немую просьбу в глазах Поли, продолжила, – Не спрашивай, не расскажу, всё узнаешь со временем.

Через несколько дней, в конце февраля, самочувствие свекрови ухудшилось, и её направили в больницу. Перед отъездом, она попрощалась с Полей:

– Ну, доченька, ближе тебя и внучков у меня нет никого. Так вот получилось. Так что давай прощаемся на всякий случай. – Чувствовалось, что свекрови тяжело говорить, она ослабла и постарела из-за болезни. Переведя дух, она обратилась к внукам. – Ну, мальчики мои, поцелуйте, бабушку, она уезжает надолго.

Поля, глотая слёзы, протянула для поцелуя младшенького Серёжу. Алёша подбежал сам и крепко обнял бабушку за шею, погладил её по голове и неожиданно расплакался.

– Ну, что ты, милый, не плачь. Я всегда буду за тобой присматривать оттуда. – Ласково сказала свекровь, и показала на потолок. – Ты уже большой. Помогай маме и не обижай Серёжу. Хорошо? – Мальчик кивнул, но продолжал всхлипывать. – Что чувствуешь, что мы больше не увидимся. Ну, что ж поделать, ни я, ни ты весну мы не любим по одной простой причине.

Поля была слишком расстроена, и пропустила последние слова свекрови. Но уже потом, через много лет, она поняла, почему свекровь не хотела ей предсказать судьбу, и что означали брошенные, как бы невзначай фразы. Поля обняла женщину, ставшую ей по-настоящему матерью, и всплакнула у неё на плече.

– Мама, поправляйтесь и возвращайтесь поскорее. Нам

Вас будет не хватать... – Слёзы мешали Поле говорить.

– Всё ладно, Поля не раскисай. Устала я уже, да и тебе я стала в тягость. Ты не тяни с матерью, напиши ей всё, как есть, она и приедет. – Переведя дух, свекровь добавила. – Помоешь полы, Поля, и я назад уже не вернусь. – И улыбувшись ей, прошептала и губами и глазами. – Прощай...

Весь день Поля была сама не своя. Анатолий неожиданно вернулся домой рано и трезвый. Оказалось, что его посылают в командировку, и он заскочил за харчами и сменной одеждой. Хоть они почти и не разговаривали, но Поля решила сказать ему о том, что мать увезли в больницу. Бывший любимый сын, никак не прореагировал, сказав, что потом навестит. Ни мать, ни когда– то любимая жена, ни дети его давно не интересовали. Видать ему светила очередная попойка, а остальное уже давно ему было не нужно. Быстро собравшись, Анатолий побежал к поджидавшим друзьям. Поля готовила ужин детям, когда услышала, как что– то упало. Прибежав на звук, она увидела, что Алёша разбил банку варенья, и, с аппетитом уплетал его прямо с пола. Поругав маленького негодника, Поля принялась за уборку. Пришлось полы помыть на несколько раз, т. к. варенье растеклось и забилося в стыки между половицами. Когда она закончила уборку, то вдруг она вспомнила, как свекровь говорила ей: «Помоешь полы, Поля, и я назад уже не вернусь.»

– Предрассудки всё это, – тихо сказала Поля.

После похорон матери, Анатолий сорвался с катушек, и стал пить не просыхая. Поля поначалу терпела, понимая, что у человека горе, но когда он начал пропивать их добро, собрала его вещи и выставила на крыльцо, бросив лишь одну фразу, завещанную свекровью: «Убирайся». И, Анатолий, на удивление, ничего не говоря, забрал вещи и ушёл со двора. Его сёстры, сразу же после похорон, хотели поделить оставшееся имущество, дом и хозяйство. Но Поля остановила их пыл, сказав, что всё завещано ей и детям. И, когда младшая и визгливая Сима, хотела было отстоять свои права, Поля тихо, но твёрдо сказала.

– Это воля матери, и перечить ей я не советую. Мама также передала мне и свою силу. Может, хотите проверить?

Жадных золовок, после последней фразы, как корова языком слизала. Так инцидент был исчерпан.

Поля осталась одна с детьми и с проблемами. Она крутилась, как белка в колесе, пытаясь успеть везде. Как– то раз, Поля отлучилась на несколько минут в магазин. Все опасные предметы в её доме давно были спрятаны от сыновей. Даже любимые Алёшей стеклянные банки с сыпучими продуктами, такими, как мука, сахар, гречка, Поля хранила на полке, до которой сама доставала с трудом. Вернувшись из магазина, она остановилась в дверях, как вкопанная от увиден-

ного погрома, в который превратился перед этим чисто прибранный дом. Оказалось, что в её отсутствие, хитрый Алёша, став на табурет и вооружившись кочергой, скинул с полки все свои любимые банки на пол. Перед Полей предстала следующая картина: счастливые братья сидели на полу в смеси рассыпанных и перемешанных со стеклом разбитых банок продуктов, и радостно поедали получившуюся смесь. Тут отчаявшаяся Поля уже не выдержала, и после проведения разъяснительной работы и наведения порядка, села и написала правдивое письмо своей матери с просьбой приехать.

Мать и впрямь приехала быстро. Продала домик, попрощалась с Верой, которая не сильно расстроилась по поводу её отъезда, и, собрав свой нехитрый скарб, приехала на зов младшей любимой дочери. В поезде, мать познакомилась с семьёй, направляющейся в районный центр, где жила Поля. Обычно молчаливая и неразговорчивая мать, была рада попутчикам, которые скрасили её одиночество, одновременно помогая в различных «дорожных» мелочах. Попутчики были доброжелательны и обходительны. Семья их состояла из трёх человек: красивой зеленоглазой пожилой женщины, и её детей – старшей дочери и младшего сына. Мария, так звали женщину, была примерно одного возраста с матерью, поэтому препятствий в общении не было. Они быстро нашли

общий язык, сразу же выяснилось, что дети новой знакомой матери – Валя и Володя родились в один год и даже месяц, как и её дочери – Вера и Поля. Тем для разговоров нашлось много, поэтому путешествие утомительным не было.

Поля обрадовалась приезду матери, а бабушка, наконец – то, познакомилась с внуками. Серёжа сразу же пошёл на ручки к новой бабушке, Алёша спрятался за мать, и издалека изучал «чужую бабу» на расстоянии. Мать, не зная что такое отдых, сразу включилась в домашнее хозяйство, взяв на себя также присмотр за внуками, а Поля вернулась на работу. Сразу стало, и жить легче и родной человек рядом, и появилось время на передышку. Новые знакомые матери по поезду, поселились недалеко от их дома. Пожилые женщины продолжали дружить и навещать друг друга. Мария искренне завидовала Полиной матери, что у той есть двое внуков, и с удовольствием помогала за ними присматривать.

– Счастливая, ты Фрося, а мои всё никак не женятся. Валя в девках до сих пор засиделась, а Володя тоже не торопится, всё что– то выбирает. Не хотят они меня, видать бабушкой сделать.

– Ничего, Мария, не расстраивайся. Будут у и тебя ещё и внуки, и внучки. Нанянчишься ещё!

– Не дождусь, наверное. Вон Поля у тебя, ладная какая, красивая, ухоженная всегда, хозяйственная, всё в руках горит, да и с образованием нечета моей Вале. И то не повезло бабе.

Валя и Володя тоже любили приходить к ним в гости на вкусные Полины пироги, которые удавались у неё на славу. Мальчишки липли к Володе, как только тот переступал порог, потому что у него в кармане всегда был для них гостинец, а ещё они обожали, когда он их катал на горбушке и подкидывал вверх. Володя с удовольствием также помогал по хозяйству, когда необходимо было мужское вмешательство, делал он это легко и с удовольствием. У него были золотые руки, за все, что не брался, всё получалось. Да и сам он был хорош собой: высокий, широкоплечий, со светло-русыми кудрями, с глазами цвета мёда, красивой доброй улыбкой. Мария рассказывала, что отец Вали умер от воспаления лёгких, почти сразу же после рождения дочери. А Володю она родила от большой любви между ней и красавцем портным из соседней области, приехавшим к ним на заработки, в которого она влюбилась до беспамятства. Но счастье продолжалось не долго, её любимый оказался женат, и вернулся к семье. А через определённый срок родился Володя, как две воды капли похожий на отца, что очень обрадовало Марию. Она никогда не жалела об этом романе, а, наоборот благодарил Бога, за то, что он послал ей любовь и сына.

Полиному возвращению на работу очень обрадовался Семён Львович, встретив её, как родную. Кругленькая брига-

дирша Катя, по прозвищу «Колобок», с которой Поля когда-то вместе участвовала в художественной самодеятельности в клубе, находясь в конторе, по пути заскочила её навестить.

– Здравствуй Поля! Ну, наконец– то ты вернулась на работу, – и, не дав Поле сказать что– то в ответ, продолжила. – Да слышала я всё про тебя, никак в одном месте живём. А Толька, каким слабаком оказался– то! Ты на развод уже подала? – И, опять не дав ответить, продолжила. – Если не подала, то подавай не жди, пусть алименты платит пацанам. Всё меньше пропьёт. А так хоть деньги уйдут детям. – Вздохнув, Катерина продолжила. – Когда в клуб на репетиции ходить начнёшь. Теперь у тебя– то есть с кем сидеть с детьми. Приходи, у нас там завклуб новый, Володей зовут, такой красавчик молодой. Наши девки от него аж пищат. Ну ладно, мне на работу надо. Рада была с тобой повидаться. – И, несмотря на свою полноту, закончив монолог, Катерина шустро выбежала из комнаты. Она всегда так говорила, перескакивая с темы на тему, порой проглатывая слова, и, при этом, другим не удавалось вставить ни слова.

– Вот и поговорили, – Сказала ей вслед Поля.

Навестил её на работе в тот день и Михаил. Поля ему искренне обрадовалась, расспрашивала про принявшей её и ставшую родной его семью.

– Поля, я вот зачем зашёл, – после ответов на вопросы, начал Михаил медленно. – Выходи за меня. Я люблю тебя давно, ты же знаешь.

– Постой, Михаил. Я ещё вроде бы замужем. Да и дети у меня уже есть. – Начала говорить Поля. Но, всегда сдержанный Михаил, перебил её.

– Дети не помеха. Разведись с Анатолием, и мы поженимся.

– Михаил, спасибо тебе, ты очень хороший. Пойми, но я сейчас меньше всего хочу замуж. Сам понимаешь, сыта по горло, так, что давай сменим тему. – И, переключив разговор на другое, продолжила. – Приходите в гости к нам, тётя Мира так хотела познакомиться с моей мамой. Я пирогов напеку.

– Спасибо, Поля, я передам. – И затем добавил. – Я буду тебя ждать столько, сколько нужно.

Вечером к матери пришла в гости Мария. Поля уже уложила детей и закончила штопать одежду сыновей.

– Поля, что ты дома с нами старухами сидишь, нашу старческую вонь нюхаешь. – Она весело подмигнула Полиной матери. – Пошла бы с моим Володей в клуб, сегодня фильм новый будет. Он тебя бесплатно в кино пропустит, как– никак, завклубом. И назад тебя проводит, чтобы твой бывший муж не пристал. Не бойся, он у меня парень смирный, не обидит. Пока молодая, да есть возможность, не сиди дома, иди, сходи. Я Володе уже сказала, чтобы он за тобой зашёл. Собирайся, давай по быстрому. – В шутку скомандовала Ма-

рия.

Фильм и впрямь был хороший и добрый, один из тех, которые поднимают настроение и настраивают на нужный лад. Поля после этого похода в кино, стала частенько ходить в клуб по приглашению Володи. Оказалось, что она не научилась ещё петь, и своим голосом приятно удивила нового завклуба. После завершения всех развлекательных мероприятий, Володя обычно обходил весь клуб, проверяя, не заснули ли кто–нибудь в укромном уголке, не бросил непотушенную папироску. А затем, после такой обязательной проверки, он запирает клуб, и они вместе возвращались по домам.

Как–то раз, вечером, Поля, как обычно, ожидала Володю возле клуба, пока тот делал обход его перед закрытием. В этот момент, к ней неожиданно подошла, влюблённая в нового завклубом, местная модница Люська. Девица умом и сообразительностью не отличалась, в её голове были только наряды и танцы. Вместо приветствия, Люська сразу же пошла в атаку:

– Слушай, Полька, ты уже побывала замужем, отхватив нашего лучшего парня, детей нарожала, а другим дорогу до сих пор переходишь. Я, то понимаю, чего Володе от тебя надо, ты теперь баба свободная и доступная. Но ты мешаешь мне устроить своё счастье! – Говорила она на повышенных тонах. – Оставь его, слышишь! А то я за себя не ручаюсь!

– Между нами не то, о чём ты думаешь. – Спокойно ответила Поля. – Мы по–соседски вместе ходим в клуб.

– Знаем, мы это! А то я не видела, как на тебя он смотрит! – Завелась Люська. – Глаза твои бесстыжие! Тварь ты, ненасытная! Одного тебе мало было! Да что б ты утонула, разлучница ненавистная! – Со злостью добавила она.

– Смотри, сама не утони. – Тихо и внятно произнесла Поля, и сверкнув при этом глазами, не дождавшись, Володи, пошла одна.

Володя нагнал её почти у дома.

– Поля, ты чего не дождалась. Я уже испугался, что с тобой что– то случилось. А тут ещё эта вертихвостка Люська морочила мне голову, и лишь потом сказала, что ты ушла. Так я и бросился вслед за тобой. – Проговорил он на одном дыхании.

– Спокойной ночи, Володя, спасибо за фильм. – Говоря, Поля уже открывала калитку у своего дома. – И, ты, знаешь, не надо за мной больше заходить. Устраивай свою личную жизнь. Спасибо за всё. Спокойной ночи. – И не дав ему опомниться и ответить, закрыла калитку, и быстро вошла в дом.

На следующий день, придя на работу, Поля увидела милиционера, окружённого группой односельчан.

– Что– то случилось? – Спросила она у Семёна Львовича, хотя догадки уже по поводу происшествия у неё были.

– Да Люська утонула. Бабы утром пошли бельё на реку полоскать, а её прибило к берегу. Вот милиция и выясняет. А что тут выяснять!?! Она всегда берегом ходила, а он там крутой, вечером трава влажная, небось, поскользнулась и упала. – Ответил Семён Львович. – Пустая была девка, никчемная. Всё танцульки в её голове были, родителям не помогала, только деньги с них тянула на различные наряды.

Поля промолчала и задумчиво села за свой стол. Да и что она могла бы сказать в ответ? Что она знает, кто виноват в смерти Люськи? «Сама выпросила», – подумала она без сожаления и, отбросив мысли на эту тему, углубилась в бухгалтерские бумажки.

Вечером после работы, когда Поля уже переделала все дела и уложила спать детей, она услышала тихий стук в дверь. Мать в это время была у Марии, а дверь они запирали, потому что мать и Поля побаивались за детей, после скандала, устроенного однажды ворвавшимся пьяным Анатолием. Володя, к которому бросилась за помощью мать, выставил нетрезвого дебошира, и сделал им добротный крючок для запираания. Поля подумала, что уже вернулась мать, да и стук был слабый, и, не спрося, открыла дверь. На пороге стоял Володя.

– Володя, ты же должен быть в клубе. – Сказала она удивлённым голосом. – Зачем пришёл? Я тебе вчера всё сказала.

– Я попросил меня заменить сегодня в клубе. Да и чего мне идти, если тебя там не будет. – Ответил он тихо, чтобы не

разбудить детей. – Поля, я в тебя влюбился, как мальчишка, и хочу, чтобы ты стала моей женой. Ты, именно та женщина, которую я искал и которая мне нужна.

– Володя, остынь, – остановила его Поля рукой, – подумай, зачем тебе такая обуза! Ты можешь жениться на молодой девушке, без детей. Любая тебе будет рада!

– Но мне нужна ты, – ответил твёрдо он. – А дети это только радость, ведь я люблю тебя, значит, и люблю твоих детей. Ведь дети и мать это одно целое. Разведись с Анатолием, я на тебе женюсь, а детей усыновлю, пока они маленькие и не помнят своего отца. Да и я к ним уже привык. – И, глянув на растерянное лицо Поли, спросил. – Ну, как, Поля, ты согласна стать моей женой? Обещаю быть хорошим мужем.

– Ты знаешь, Володя, для меня это неожиданно... Мне надо подумать, посоветоваться с матерью. – Поля говорила медленно. – Ты хороший парень, и не хочу я портить тебе жизнь.

– Поля, о чём ты говоришь! – Громче обычного произнёс Володя, но вспомнив о спящих детях, понизил голос. – Ты что не понимаешь? Для меня счастье быть с тобой всю жизнь! И прежде, чем принять решение подумай об этом. Ты подумай, не мать твоя, а ты, потому что эта твоя жизнь. А, я со своей стороны, сделаю всё, чтобы ты была счастливой. – Он говорил настолько искренне, что Поля ему поверила.

Мать вернулась от Марии почти сразу же после ухода Володи. Прямо с порога она спросила:

– Надеюсь, что ты не согласишься на предложение Володи?

– А ты откуда знаешь про предложение? – Удивлённо спросила Поля.

Оказывается, что Володя, несколько минут тому назад, за явился домой и поставил мать и сестру перед фактом, что он хочет жениться на Поле. Мария и Валя, не стесняясь матери будущей невесты, тут же набросились на Володю, обвиняя его в необдуманности поступка. Мария попросила Фросю поговорить с дочерью, чтобы та отказалась от заманчивого для неё предложения и не портила будущее сына.

– А что Володя? – Спросила Поля.

– Он сказал, что женится только на тебе. И, не смотря на то, что любит мать и сестру, тут он им не уступит. – Мать перевела дух, и продолжила. – Зачем он тебе Поля? От мужиков одни неприятности! Посмотри на меня, я тоже осталась одна, но вырастила вас. И тебе помогу детей поднять. Не нужен нам никто. Вон теперь, в Марии и Вале врагов себе нажили...

– Ой, не знаю, мама. Но мне кажется, что он любит меня по настоящему, и, что самое главное для меня, что детей моих принимает вместе со мной.

На следующий день, вечером Володя зашёл за Полей и по-

звал в клуб на новый фильм. Он говорил с такой надеждой и просьбой в голосе, что она не захотела ему отказывать. Поля впервые слушала своё сердце, а оно ей подсказывало, что Володя именно тот человек, который ей нужен. Возвращаясь домой, они обсуждали фильм, смеялись над выходками пацанов, что даже и не заметили, как дошли до Полиного дома. Неожиданно Володя стал серьёзный и спросил:

– Поля, ты подумала о моём предложении? Не надо много слов скажи только «да» или «нет». Но, ты то, понимаешь, что я хотел бы услышать только «да».

– Я слышала, что у тебя проблемы с семьёй из– за меня. – Ответила Поля. – Я бы не хотела быть причиной ваших раздоров.

– С тобой буду жить я, а не семья, – твёрдо сказал Володя, – мне и решать.

Они и не заметили, как появилась Валя, которая сразу же напала на Полю:

– Ты чего пристала к моему брату! Чего он в тебе такого нашёл!? Ведьма, ты приворожила его!

– Не суйся в чужие дела. И не смей оскорблять. Быстро замолчала, и домой! – Сказал по– мужски Володя, строго посмотрев на Валу, и сестру, как ветром сдуло. – Не обращай на неё внимания, она, как шавка: только лает. – Затем он повернулся к Поле, с надеждой заглядывая ей в глаза. – Ну, так каков ответ?

– «Да», – сказала, как выдохнула она, – и пойдём к нам

пить чай.

После чая, прощаясь с Полей, Володя пообещал всё уладить дома. А её попросил завтра же подать на развод. Он выглядел очень счастливым и радостным.

Утром, придя на работу, Поля сразу же выполнила просьбу Володи, и, наконец— то, подала на развод. День пролетел быстро. Семён Львович заметил перемены в настроении Поли, вернувшуюся улыбку и лёгкость в движениях.

— Вот, теперь, ты похожа на Полю, что пришла ко мне в первый раз! Видать всё у тебя налаживается, девонька. — Произнёс добрый старик. — Ты и впрямь заслуживаешь счастья.

Поля только рассмеялась в ответ. Дома мать поведала ей последние новости. Оказывается, пока её не было, приходила Мария и плакала, потому что Володя упёрся, и сказал, что всё равно женится на Поле. А если мать и сестра будут мешать его счастью, то он застрелится, чтобы они всю жизнь чувствовали себя виноватыми в его смерти.

— И что с ним произошло! Такой ведь был послушный, слова никогда поперёк не говорил, — продолжала Мария, — а тут упёрся и всё. А сестре сказал, что отправит её обратно, если она своим грязным языком будет что— нибудь про Полю говорить.

Развод долго не давали, по причине неявки Анатолия. И, только, когда Поля встретила одну из его сестёр, работающую в загсе, и явно помогающую брату, и сказала ей, что

она беременна, и ребёночка запишет на Анатолия, с последующей подачей документов на алименты, то процесс мигом сдвинулся с мёртвой точки. Оказалось, что ложь во благо, иногда работает лучше, чем правда.

Поля и Володя расписались, и он переехал жить к ней. Мальчишки были страшно рады такому переезду, мать вела себя сдержанно, скорее всего, никак. От усыновления Володиной сыновей Поля отказалась.

– Володя, и так спасибо тебе за то, что ты относишься к моим мальчикам, как родной отец. Анатолий должен хоть что– то сделать для них. Так пусть платит алименты, чтобы жизнь лёгкой ему не казалась. Заодно меньше пропъёт.

Всё стало налаживаться, но сестра и мать Володи никак не могли успокоиться. Слухи про то, что Поля ведьма, привораживающая мужиков, поползли давно. Поля боялась не сдержаться и ответить злом на зло, как она умела, поэтому, как мудрая женщина, она предложила Володе переехать, но недалеко. Тот согласился с радостью, потому что недовольные и кислые лица матери и сестры ему тоже надоели. Помог бывший его сослуживец, да и золотые руки его сделали своё дело. Володю тут же пригласили на работу в небольшой городок на должность механика и водителя с приличным окладом и жильём, а жене предложили место бухгалтера. Деньги

за проданный дом, мать предложила положить на сберкнижку, на её имя, объяснив это тем, что если не сложится жизнь с новым мужем, то хоть Поля без копейки не останется.

Переезжали уже, когда Поля была беременна на втором месяце. Володя был очень рад, поглаживал её по животу, выполнял все её прихоти, и не разрешал носить тяжести. Она ничего не говорила Володе, о том, что не хочет этого ребёнка, она, почему– то боялась, что останется одна с детьми, как было в первом браке. А тут ещё один маленький, да опять с нуля. Дров в огонь подкидывала и мать, убеждая Полю, что ей не нужен ещё один лишний рот. По приезду они получили всё, что им обещали. Домик был небольшим, но тёплым, с обширным участком земли и сараем.

На новой работе Поле оказалось много сотрудников, которые сразу подошли знакомиться к ней. Но больше всех ей понравилась Ульяна, женщина лет сорока, взявшая над ней сразу, же шефство. Ульяна проживала недалеко от работы, и на обед потащила упирающуюся Полю к себе. Оказалось, что в их судьбе много общего. Так и подружились они, как будто всю жизнь были закадычными подругами. Ульяна помогла Поле договориться насчёт аборта.

– Не переживай, всё будет хорошо. Я врачом этих знаю хорошо. – Авторитетно рассказывала она. – Купишь шампанское и коробку конфет – всё– таки тебя впихнули без очереди, должна же быть какая– то благодарность, да и делать будут после работы уже в своё личное время. А Володя тебя

к вечеру оттуда заберёт.

Далее она объяснила, как проехать в больницу, на каком этаже искать, и всё прочее. Дома, когда Поля рассказала Володе, что она договорилась насчёт аборта, он сразу, как-то осунулся.

– Я так понял, что решение уже принято, и убеждать тебя не имеет смысла, – и, увидев положительный кивок Поли, продолжил. – Ну, тогда и я приму своё решение. Если ты сделаешь аборт, то меня дома не застанешь. Я уйду. Я хочу этого ребёнка. Я люблю Алёшу и Серёжу, но хочу и своего. – Он ушёл, оставив Полю со своими мыслями.

На следующий день, после работы, Поля поехала в больницу на аборт. Она весь день думала над словами Володи, и понимала, что тот слов на ветер не бросает. Отдав цветы и конфеты, она прошла машинально в операционную, но вдруг, что-то в ней щёлкнуло, и она сказала молоденькой медсестре:

– Не надо ничего, я передумала. Извините. До свидания. – И, развернувшись, быстро вышла.

– Куда же Вы, женщина, – за ней, запыхавшись, бежала та медсестра. – А как же цветы и шампанское?

– Оставьте их себе за хлопоты, – и, улыбнувшись медсестре, Поля заторопилась домой.

Дома, мать сразу же надула губы, узнав, что она не сделала аборт, а Володя же, наоборот, был очень счастлив.

Вообще, Володя по своей натуре, был человеком очень добрым, и каким-то светлым. Всегда аккуратно одет, он не разбрасывал одежду, а складывал на место. В дождь и слякоть, приходил домой в чистой обуви, и как он это умудрялся, Поля никак не могла понять. К Володе тянулись все: к нему тянулись и люди, и животные. Соседи, сотрудники, друзья и знакомые отзывались о нём только хорошо, его любили, с ним советовались и обращались за помощью. Володя никогда никому не отказывал, помогал с лёгкостью, с шуткой и бескорыстно. Все считали, что Поле очень повезло с мужем, о чём говорили ей прямо в лицо, и это Полю немного задевало. Алеша и Серёжа называли его папой, он баловал их по-мужски и отцовски, терпеливо отвечая на многочисленные детские вопросы, и никогда не поднимал на них руку. Животные тянулись к нему, куры клевали у него с рук, а приبلудившиеся кошка и собачонка, несмотря на несогласие женщин, всё-таки оставленные им для мальчишек, каким-то шестым чувством из сотен машин узнавали его, и бежали встречать хозяина. Володя ласково гладил их по шёрстке, разговаривая с ними. Даже голос у него был какой-то спокойный, в тоже время ласковый и приятный. Володя, в отличие от Поли, обожал природу и относился к ней бережно: грибы аккуратно срезал, цветами любовался, с удовольствием слушал пение птиц, изготавливая им домики и кормуш-

ки, рыбу ловил на удочку в удовольствие, а не сетями, как остальные. Помимо всего прочего, Володя обладал каким-то особенным даром: он мог только движением рук снять зубную боль, излечить от бородавок, и пр. И только Полина мать недолюбливала Володю, возможно, это было проявлением материнской ревности, а может и мужененавистничества.

В положенный срок Поля родила девочку. «Вылитый Володя», – подумала про себя она, когда ей впервые принесли ребёнка на кормление. Мальчики отнеслись к новой сестрёнке по – разному. Семилетний Алёша, как будто это было для него обычным делом, приблизился к ней и, поцеловав в щёчку, и по- взрослому важно сказал:

– Вы только её никому не отдавайте, я буду о ней заботиться, и защищать её.

Пятилетний Серёжа, узнав, что родилась девочка, сразу же надул губы, потому что он просил у мамы братика, и произнёс:

– Я, когда вас дома не будет, её в форточку выкину. Вот... – Заплакал, и выбежал из комнаты.

Поля пыталась ему объяснить, что мальчики в роддоме кончились, и остались только девочки, поэтому она и взяла то, что было. Об этом важный Серёжа и поведал соседскому

другу Васе.

– Ты что, дурак, – картавя, произнёс товарищ по играм, у которого недавно родился брат, – детей не покупают, их выраживают.

Разочарованию Серёжи в том, что мать его обманула в таком важном вопросе, не было предела. Положение спас Володя, сделав ему небольшой кораблик, который они вместе и запускали в ручье после дождя.

Навестила Полю после родов и её подруга с работы Ульяна. Она пришла с кучей подарков, причём всем детям, с домашними пирожками и бутылкой шампанского. За столом, когда выпили за здоровье матери и новорожденной, Ульяна спросила, кто крёстная этой чудесной девочки. И, узнав, что у ребёнка нет крёстной, она возмутилась и сказала, что это непорядок, и она берёт эту роль на себя. «Крёстная» конечно была символическая, т. к. крестить ребёнка никто и не собирался.

Когда девочке был уже месяц, мать и сестра Володи, поняв, что сын и брат для них уже потерян, решили вернуться на родину. Там у них было много других родственников, остался дом с садом и большим участком земли, да и денег подзаработали так, что на безбедную жизнь бы хватило. Володя, уходя к Поле, оставил им всё заработанное и нажитое, чтобы они ни в чём не нуждались. По пути на родину, Мария и Валя заехали по приглашению Поли и Володи посмотреть на внучку и племянницу. Мария, так мечтавшая о внуках,

лишь издалека взглянула на девочку, не проявляя желания даже к ней приблизиться или взять на руки.

– Ну, мама, как? – С улыбкой спросил светящийся Володя.

– Хорошенькая... Поздравляю. – Это всё, что смогла выдать из себя Мария.

– Знаешь, что, мама, а давайте я вас сейчас прямо на станцию и отвезу, а то у нас и места нет, и ребёнок маленький, отдохнуть вам не даст. – Неожиданно принял решение Володя, стараясь скрыть свою разочарованность реакцией матери на его ребёнка.

Дочку назвали, по желанию Володи, Светой. Она и впрямь была светленькая, миниатюрная и спокойная. Когда девочке исполнилось 2 месяца, то Поля вернулась на работу. Семья к тому времени переехала в более просторный дом с пристройками в виде сарая и бани, а также с большим участком земли. Поле на работе рады были все, кроме главной бухгалтерши. Она ей сразу сказала, что никаких привилегий той, как кормящей матери не будет, и придиралась к Поле по любому поводу. Досталось и пытавшейся заступиться за подругу, Ульяне. Поле, в тот момент, очень нужна была эта работа, поэтому, дома она только и сказала, что кормить Свету днём возможности не будет. Володя нашёл выход из положения, и вернулся домой с козой, таким образом, обеспечив до-

чери свежее питание. На возмущения тёщи, отказывающей ухаживать за животным, Володя отреагировал, как всегда с улыбкой:

– Не переживайте, козу я беру на себя полностью. И seno, и траву, и кормёжку, и дойку. Вам только и остаётся, что процедить молоко, и покормить ребёнка, да и мальчикам не повредит.

Недовольная мать только проглотила обещания зятя, не найдя им достойных отговорок, на что Поля тихо улыбнулась про себя.

На работе главный бухгалтер и Полина непосредственная начальница продолжала тактику выживания. Причин для недовольства находилось всё больше и больше. Ульяна, вернувшись из отпуска, сообщила причину такой перемены начальницы по отношению к Поле.

– Племянницу, она свою пристроить на твоё место хочет. А ты у нас самая лучшая работница. Знаешь, что, Поля, меня буквально на днях просили кого– то посоветовать им умного и толкового, как раз, ты подходишь. И к дому тебе ближе, но только оклад меньше. Хочешь, я всё выясню?

– Да, наверное, выбора нет. Хотя, ты же знаешь у меня каждая копейка на счету. Алименты на пацанов получаю курам на смех. Алёшка в этом году в школу пойдёт, столько покупать всего надо... – И неожиданно встряхнув головой, произнесла неуверенно. – А может всё к лучшему. Обидно, конечно, не за что пристаёт.

Вечером, того же дня, начальница решила добить Полю очередной придиркой, но на этот раз, подчинённая решила дать отпор зарывшейся главной бухгалтерше. Выслушав незаслуженное очередное нарекание, Поля с улыбкой спросила:

– Татьяна Михайловна, что не терпится на моё место племянницу пристроить? Так, Вы скажите прямо и честно, чего же ко мне понапрасну придираться. Вы же знаете, что я работаю хорошо, могу и Вас заменить без труда. Когда Вы болели, я за Вас работала, так вроде бы начальство было довольно.

– Кто тебе дал право так со мной говорить! И что в тебе такого, что мне должно нравиться? Понаприехали тут! Одни бабы раз замуж выйти не могут, а эта дважды! – Начальница выплёвывала слова с такой ненавистью и злостью, что Поля даже поначалу оторопела. – Смотри– ка, должность ей моя приглянулась! Да, чтоб ты подавилась!

– Смотри, – перейдя на «ты», тихо и внятно произнесла Поля, – сама не подавись. – И, сверкнув глазами, вышла из кабинета, оставив прилипшую к стулу начальницу.

На следующий день, когда Поля пришла на работу, её уже нетерпеливо поджидала Ульяна.

– Ну, ты где? Я всё выяснила, рассказала про тебя, и, где

ты раньше работала. Короче, они тебя берут. – Закончила излагать новости подруга.

– А на какую должность, и с каким окладом? – Спросила Поля, которой после вчерашнего разговора с начальницей было всё равно, лишь бы сбежать отсюда.

– На должность бухгалтера – счетовода, но с меньшим, конечно окладом, вроде обещали повысить, если будешь хорошо работать. – И, видя, как расстроилась подруга, решила её подбодрить. – Но ты не переживай, я тебе постараюсь подыскать что–нибудь получше. А пока, как говорится: «на безрыбье и рак рыба».

– Спасибо, Ульяна, и дай Бог тебе счастья и доброго здоровья! – У Поли на глазах выступили слёзы.

– Ну, всё, пошли по местам, а то наша кикимора скоро придёт. Так не будем давать ей шансов для злобы, – скороговоркой произнесла Ульяна, и они, смеясь, разбежались по своим комнатам.

Через час, к ним в кабинет прибежала возбуждённая Ульяна с последними новостями.

– Девчонки, не поверите! Наша Татьяна Михайловна, царство ей небесное, померла! Представляете, подавилась во время ужина! Скорая пока приехала, а она уже синяя! – Без тени сожаления рассказывала Ульяна. – Всё–таки есть Бог на белом свете, – но тут же, как бы раскаиваясь, подняла глаза вверх, как бы смотря на небо, добавила. – Прости меня, Господи, грешную!

Поля знала, что Бог тут не причём, а обнаглевшая, и на сей момент усопшая главная бухгалтерша, сочувствия в ней не вызвала.

Ближе к вечеру, Полю вызвал к себе начальник конторы. «Наверное, успела всё— таки пожаловаться Татьяна Михайловна, увольнять будет», – подумала про себя Поля. Но начальник неожиданно попросил Полю занять место внезапно умершей Татьяны Михайловны.

На работе со смертью начальницы всё успокоилось. В основном, женский коллектив их конторы, жил и работал дружно. Поля была на хорошем счету и нареканий от начальства не получала. Значительное повышение в её окладе на новой должности помогло семье зажить ещё лучше. Дети подрастали, и особых проблем не доставляли. Соседки ставили в пример своим мужьям Володю, который в короткий срок привёл хозяйство в порядок, отремонтировав наружные постройки. Но нерадивые мужья соседок тоже не оставались в долгу, объясняя своим спутницам жизни, что Володе просто повезло с женой мало того, что при хорошей должности, так ещё и собой хороша, и аккуратно со вкусом одета, и дети ухожены, и дома всегда наварено, и пироги вкусные печёт, и муж в глаженных рубашках ходит, и в огороде порядок, и живут душа в душу...

Как– то раз от работы Поли вся семья, кроме бабушки, поехала в выходной день отдыхать на речку. Мальчишки быстро разделись и побежали в воду. Света, увидевшая речку впервые, рванула за ними, и через несколько мгновений яркий красный бант на её голове скрылся под водой. Поля остолбенела, как тогда при случае нападения бодучей коровы на Алёшу. Володя не растерялся, и, как был в одежде, рванул за дочерью, вытащив её на берег. На счастье, та только испугалась, и не успела нахлебаться воды. Но в воду в тот день больше не заходила, а тихо сидела, прижавшись к папе. Володя пытался успокоить девочку, учил её выкладывать из камушков фигурки.

– Ты молодец, Володя, не растерялся, – говорила ему Поля по возвращению. – А на меня, как ступор нашёл: понимаю, что надо срочно что– то делать, а сдвинуться с места не могу. Если бы не ты, то утонула бы наша Светочка.

– А я, когда увидел, ещё не успел сообразить, как очутился в воде и вытащил Светика. – Рассказывал о пережитом Володя. – Потом, смотрю: она глаза открыла и дышит, только тогда я успокоился, – он вздохнул. – Да, сегодняшней день прибавил мне, наверное, седых волос... Всё, не надо об этом, страшное уже позади. – С этими словами он обнял жену.

Через несколько дней счастливый Володя пришёл домой пораньше с радостными новостями о расширении жилплощади. Вскоре семья переехала в новый большой дом, полученный от Володиной работы. К дому прилагались все постройки: добротные сарай с выгулом для животных, летняя кухня, баня. А, также большой огород, двор, палисадник. Колодец был далековато, поэтому «рукастый» Володя пробурил колонку возле дома и построил беседку над ней, сварил качели, смастерил лавочки и песочницу, привёз и переделал списанный вагончик для строителей в домик для детских игр. Также, Володя построил свою мечту – небольшую мастерскую с полочками, верстаком, где каждый необходимый инструмент занял своё место. Рядом с домом был и природный водоём, поэтому не воспользоваться этим было никак нельзя, и к хозяйству прибавились гуси и утки. Получился настоящий птичий двор. Недалеко от дома был огромный луг, где дети и взрослые играли в футбол, лапту и другие игры. Единственный недостаток нового дома заключался в том, что он находился относительно далеко, на окраине города, возле леса. Соседи были простые и добрые, по возрасту в основном, как Володя и Поля, молодые с детьми, почти все держали скотину и дружили по– соседски. Обилие сочной травы, расположение дома на окраине и наличие места

в сарае продиктовало желание обзавестись коровой. Содержание, которой в данных условиях было не в тягость, а вкусной добавкой к столу в виде свежего молока, творога и сметаны. Так появилась большеглазая красавица корова, сразу влюбившаяся в Володю. Потому что тот знал, где она любит, чтобы её ласково погладили и почесали, и всегда угощал чем-нибудь вкусным. Поля и мать считали, что все животные нужны только для того, чтобы приносить пользу. На ласку они не расточались, считая, что достаточно того, что они кормят их. Животные это чувствовали, и не радовались им так, как Володе. Поля вообще, зная про свои особенности, старалась к живности не подходить. Однажды бабушка поймала Свете случайно залетевших в сарай двух воробьёв, и, связав им лапки, дала ребёнку поиграть. Девочка растерянно смотрела на птичек, не понимая, почему те не летают. За этим её и застал Володя. Он отпустил напуганных воробышков, и доходчиво объяснил дочери, что нельзя так поступать.

– Светик, а если тебе ножки связать, тебе же не понравится! Воробышки должны жить на воле, там их место. Ты же видела, как они испугались, могли бы от испуга и умереть. Ты же не хочешь этого.

– Нет, – пролепетала дочка, чуть не плача, вспомнив, как они с соседскими детьми хоронили найденную мёртвую птицу. – Но я их не просила, папа, так связывать, мне бабушка их дала.

– Да дала, – вмешалась в разговор тёща. – Ну и что тут

такого, пусть играет.

– Но, это жестоко, – произнёс Володя. – Птички могли бы умереть. Нельзя так относиться к животным...

– Ну ладно спорить, пойдёмте кушать, еда на столе. – Прервала разговор Поля, чтобы избежать ругани. – Мама, ты больше не делай так, смотри, вон Света из– за этого плачет.

– Всегда у вас мать виновата. – Пробурчала тёща.

– Папа, я не буду больше так. Я люблю птичек, и хотела только их погладить. – Сквозь слёзы прошептала Света.

Похожая на отца внешне, Света получила от него также доброту, ласку и, какой– то особый внутренний свет. Девочка с детства подбирала брошенных животных, предпочитая играть и разговаривать с ними вместо кукол. Она прятала котят от матери и бабушки у себя в кровати, охотно делилась едой с собаками и кошками, гладила и играла с ними. Этого всего не было у самой Поли. «Дочка – то, не в меня пошла, может, если только умом». – Не раз думала она про себя, наблюдая за Светой.

Мальчишки Свету никогда не обижали, и всегда приносили ей различные подарки. Алёша, как– то на Новый год принёс ей сделанную из льда Снегурочку, так Света горько плакала, когда пришло время, и ледяная девочка растаяла. Серёжа, любитель природы, принёс Свете бурундука, который забрался в стеклянную банку, и, они потом вместе выпускали любопытное животное на волю. Сестра тоже обожала своих братьев. Если же Свету, как самую маленькую в се-

мье угощали конфеткой или ещё чем—нибудь вкусным, то она никогда это не съедала одна, а делила на всех. У них так было принято в семье: если детям покупали что—то, то покупали всем, чтобы никому не было обидно, что кого—то любят больше или меньше. Мальчишки к Свете относились с нежностью, понимая, что она самая маленькая и, даже не обиделись на неё, когда она их «случайно» сдала матери. Как—то раз, возбуждённая Света, прибежала домой и начала возмущаться с порога:

— Мама, мама мальчишки за сараем курят, а мне не дают!

Пришлось Поле вмешаться в такую «несправедливость», а Володе вечером после работы терпеливо объяснять детям о вреде курения.

Но вскоре, у каждого из сыновей появилась своя компания. У старшего Алёши появился новый друг — второгодник Колька. Этот нежеланный, по мнению Поли, союз, принёс плохие результаты, для хорошиста Алёши. Он стал пропускать занятия, плохо учиться. Мать приглашали в школу, сидеть на уроках с сыном. Она—то сидела, а Алёша в это время гулял по территории школы. Несмотря на такое поведение, Алёша был мальчиком добрым, но озорным. Поля просила Володю наказать Алёшу, ремнём, как делали другие родители, считая, что это внушительная мера действует безотказ-

но. Володя наотрез отказался, мотивируя это тем, что он не сторонник такого метода, и никогда этого делать не будет. За что Алёша, заужавал Володю ещё больше, вознеся его в свои авторитеты.

Дошкольница Света тоже извлекла пользу из сложившейся ситуации, и регулярно её каракули можно было видеть в Алёшиных тетрадках, которые она находила в портфеле, спрятанном братом в тайнике возле дома, когда тот прогуливал школу. «Должен же был хоть кто-то в этих тетрадках писать, а то им грустно в одиночестве». – Так она объясняла свои «записи».

Серёжа же учился хорошо, и был любимцем учителей. Он рос тихим и спокойным мальчиком без хлопот, которого всегда ставили в пример старшему брату.

Свету перед школой, как ни упиралась бабушка, отдали всё же в детский сад, в котором на ребёнка посыпались сразу все несчастья. Мало того что надо было есть противный ман-ный пудинг и пить рыбий жир, так ещё там заставляли спать в сонный час. В первую же неделю, девочка принесла вши, с которыми боролись дустом и, на радость Светы, короткой стрижкой. Она уже давно просила Полю подстричь её, потому что бабушка заплетала её длинные светлые волосы в косу с такой силой, что натягивалась и краснела кожа головы. Помимо всего, стрижка принесла такую лёгкость, что девочка порхала и крутила от радости головой. Бабушка за такой вандализм по отношению к волосам внучке, долго не разго-

варивала с Полей. Вши, несмотря на проведённые меры, возвращались с завидным постоянством. И только, когда Поля, устав от бездействия работников детсада, вызвала представителей санэпидстанции, рассадник насекомых был найден. Им оказался мальчик Саша, занимавший соседнюю раскладушку на сонном часу. Когда со вшами наконец– то было покончено, Свету в садике на прогулке переехал велосипед, хорошо хоть без каких– то последствий. А затем ей чуть не выткнула глаз ножницами драчунья и забияка девочка Лена, которая обижала всех детей в группе. Вот тогда– то тихая и примерная Света и дала сдачу в первый раз, отшвырнув обалдевшую Лену с силой в угол. Вечером, когда родители собирали детей домой, то Ленина мама попыталась наехать на Полю по поводу недостойного поведения Светы.

– Ты, видать, не все факты знаешь. Твоя дочь, чуть мою Свету, без глаза не оставила. На, посмотри! – С этими словами Поля развернула Свету к матери Лены. – Видишь, – и Поля показала на лицо дочери, возле глаза которой, было обильно намазано зелёной. – Ещё бы немного, и ножницы бы воткнулись в глаз.

Ленина мать сразу же заткнулась и дала дочери звонкого подзатыльника. По дороге домой, Света сказала матери, что в детский сад больше не пойдёт. «А, девочка– то с характером».-Подумала Поля, но вслух сказала:

– Ничего не поделаешь, надо тебе к школе готовиться.

– А, я уже всё выучила к празднику Букваря, и не только

свои стихи, но и всех остальных детей. На праздник я пойду за букварём, а в садик ходить не буду. – Сказала Света уверенным голосом. В том, что дочка запоминала с лёгкостью стихи, Поле приходилось убедиться не раз, когда она разучивала стихи с мальчиками, и, когда те забывали их при последующих пересказах, неумеющая читать Света, уверенно подсказывала братьям. Помимо всего прочего, девочка также поведала, что не любит спать днём, и не может есть суп, потому что в него наливают этот противный обязательный рыбий жир. На этом, они и договорились, что Света будет дома до школы, а в садик сходит только на праздник Букваря.

С годами мать менялась не в лучшую сторону, и Поле приходилось жить между двух огней: с одной стороны муж, с другой мать. Если с мужем было всё ладно и хорошо, то мать не разговаривала с ней, если же, как и в любой другой семье между мужем и женой происходили размолвки, то мать была с дочерью ласкова и добра. Володя, когда тёща и Поля ссорились, частенько по возвращению с работы домой заставлял такую картину: несчастные голодные животные в загоне подавали голоса, пытаясь привлечь хозяев. Он не пытался их примерить, понимая, что ему самому это боком выйдет, а просто кормил, доил, убирал за животными, причём с удо-

вольствием. «Скотина— то не причём в ваших разборках», — пытался он не раз вразумить жену, но та только отмалчивалась.

Несмотря на неприятные обстоятельства расставания, Володя и его мать Мария переписывались, а он, как порядочный сын посылал посылки и ежемесячный денежный перевод. Мать писала, что живёт хорошо, но очень сильно скучает, а также она просила прощения за всё и звала всю семью в гости. «Сынок, здоровье моё не очень, и боюсь я, что мы больше не увидимся, — писала Мария. — А мне есть тебе, что сказать перед тем, как я умру». Володя уговорил Полю съездить в отпуск к нему на родину. Было решено поехать втроём: Володя, Поля и Света. Но тут мать Поли наотрез отказалась оставаться с мальчиками. Хотя те обещали ей быть послушными, и во всём помогать. Отпуск срывался, но на помощь пришла добрая бездетная соседка пожилая тётя Феня, которая всегда считала, что мать Поли — Фрося с жиру бесится, живя, как «у Христа за пазухой».

— Езжайте, Поля, ни о чём не думайте. Мы с Ефимом, за всеми приглядим. Всё будет в порядке. — Говорила она нараспев, а её муж немой Ефим при этом кивал головой.

Поля и Володя жили с соседями дружно, часто угощали их пойманной Володей рыбой, приглашали на свежину. Володя помогал с дровами, скирдовал сено для соседской коровы. А тётя Феня и дядя Ефим платили добром за добро: протапливали для них свою баню, угощали различными припасами и

всякими вкусностями. Пережив голод и тяготы войны, Поля и Володя знали почём фунт лиха, не очерствели, и были рады, что могут помочь людям, не прося ничего взамен.

Благодаря, отзывчивым соседям, отпуск сорван не был, и они втроём с подарками отправились навестить мать, свекровь и бабушку в одном лице. Помимо подарков захватили ещё с собой и еду в виде консервов тушёнки, лосося и икры. Поля к тому времени работала главным бухгалтером в воинской части, поэтому у неё была возможность купить в воинторге кое–какой дефицит.

Мария обрадовалась приезду сына, накрыла на стол, позвала родственников. За праздничным обедом мать звала Володю назад вернуться на родину, обещала переписать на него дом и всё имущество. Пожилая женщина никак не могла наглядеться на любимого сына, к невестке и внучке отношение было намного попрохладнее. Света тоже не тянулась к бабушке, ей больше понравился однорукий дедушка Михаил – родной брат Марии и дядя отца. Он ласково относился к девочке, разрешая ей рвать самой в его саду понравившиеся яблоки. Умненькая Света очаровала одинокого старика. Сестра Валентина встретила их сдержанно у себя дома со всей своей семьёй: тремя пацанами и пьяницей мужем Василием, который завидев бутылку в руках у гостей мигом

засуетился, дав указание жене собирать на стол.

Но больше всего Поле и Свете запомнилось озеро, на берегу, которого и стояло село. Они всей семьёй отдыхали там, купались, варили уху на берегу. Володя катал их на лодке, и было приятно смотреть, на его сильные загорелые плечи, когда он грёб вёслами. В том, что дочь и муж похожи не только внешне, но ещё и внутренне, Поля смогла убедиться, наблюдая за ними в отпуске. Они одинаково восхищались природой, относились бережно к ней, слушали пение птиц. Света с удовольствием составляла компанию отцу в походе за грибами. Сама же Поля грибы собирать не любила, но готовила их потрясающе вкусно, о чём не раз ей говорили домочадцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.